
М. Вербена
Бастард - не имя, а власть - не вечность
18+

М. Вербена

Бастард - не имя, а власть - не вечность

https://litres.ru/74734543
SelfPub; 2026

Аннотация

Демоны не умеют чувствовать. Они умеют лишь подчинять, сокрушать и упиваться чужой болью. Элира была лучшей в этом. Любимая дочь Верховного Архи, безжалостный каратель, карающий врагов чистой демонической яростью. Сводные братья презирали её за статус бастарда, но её это не волновало — ведь отец ценил её выше них.

Но один надлом меняет всё. Идеальное оружие Архи оборачивается против него самого.

Элира объявляет отцу войну. За ней идет верный слуга, вокруг нее собирается отряд корыстных одиночек, а впереди ждет встреча с Радимиром — человеком, чьи чувства станут для неё испытанием. Элира готова утопить этот мир в крови, ломая и подчиняя себе целые народы, чтобы сокрушить тысячелетнюю тиранию. Но действительно ли это бунт ради свободы? Или просто отчаянная, страшная попытка сломленного ребенка доказать отцу, что она — лучшая из его детей?

М. Вербена
Бастард - не имя, а власть - не вечность

ГЛАВА 1

Элира

Перед моими глазами возвышались монолитные двери из черного дуба. В неровном свете факелов золотые жилы на дереве казались брызгами застывшего пламени, а багровые камни мерцали из глубины, словно еще не остывшие угли в погребальном костре. Я сделала глубокий вдох — воздух здесь был сухим, пропитанным ароматом горьких масел и вековой пыли. Подняла руку. Три коротких, чеканных удара вспороли тишину. В правом углу с противным скрежетом отодвинулась заслонка, запечатанное алистической сеткой не пропускающую магию любого происхождения, на меня уставились глаза стража. Холодные. Стеклянные.

— Кто? — голос прозвучал так, будто камни терлись друг о друга.

— Элира Сангвис-Корт.

Глухой топот шагов за дверью начал удаляться, растворяясь в бесконечных анфиладах. Я замерла. Дневное светило, пробивавшееся сквозь узкие, как ножевые ранения, бойницы, ударило в камни на дверях. На моих глазах безжизненное

дерево вдруг ожило, наливаясь кровавым свечением. Глядя на эту игру света, я кожей чувствовала свое родство с этим декором. Я — клинок в чужих ножнах. Я — осколок этой двери, который служит её украшением, но никогда не станет её основой. Суть двери не изменится, если выковырять камни и выбросить их в сточную канаву. Моя суть — быть тенью. Быть корой. Быть инструментом, который всегда под рукой, но никогда за общим столом.

Тяжелые створки разошлись со стоном, который, казалось, почувствовали мои кости.

— Дона Корт, — стражник едва заметно склонил голову. В этом жесте было почтение, смешанное со страхом. — Архи ожидает вас.

Я прошла мимо, не удостоив его даже коротким кивком. Мои сапоги из грубого чепрака выбивали ритм по каменным плитам, и этот звук эхом разлетался по высокому переходу. Голову выше. Взгляд — в пустоту. Я знала, зачем здесь. Когда в зале Малого Совета воцаряется тишина, Архи зовет ту, чьи руки не жалко испачкать. Кто-то из смертных возомнил, что их воля крепче наших цепей. Пришло время вскрыть этот гнойник. Мысль о предстоящей расправе вызвала короткую, хищную ухмылку. Мне нравилось ломать тех, кто забыл свое место. Это было единственное противоядие от яда, которым пропитана каждая встреча с «семьей» — назойливое, зудящее чувство, как укус гнуса в лихорадочную ночь. Вторая пара дверей распахнулась сама собой, едва я

приблизилась.

Огромный зал Совета встретил меня мертвой тишиной.В дальнем конце, окутанный тенями, возвышался трон. Он был отлит из темного, матового металла, из которого, словно лучи черного солнца, торчали кости — обломки рук и ног тех, кто когда-то посмел перечить Повелителю. На поручнях оскалились пустые глазницы черепов волкодлаков. На этом жутком постаменте восседал сам Архи.Его пальцы медленно, почти любовно скользили по костяным выступам, иногда проваливаясь в глазницы черепов. Взгляд Повелителя ударил меня под дых, как разряд молнии. Острый, парализующий — он прошивал насквозь, выжигая любые мысли о неповиновении.По обе стороны от него, за столами из мореного камня, замерли советники. Слева — законные наследники. Братья. Хищники, чья сила еще только входила в зенит, но уже заставляла воздух в зале дрожать от напряжения. Справа — старый круг, тени прошлого, чьи глаза видели начало этой войны.

Я замерла в десяти шагах от последнего ряда столов. Дальше — невидимая черта, граница, которую мне, бастарду, пересекать запрещено под страхом смерти. Тишина в зале была настолько плотной, что казалась осязаемой. Ее нарушил лишь сухой, резкий скрип моей кожаной перевязи и приглушенный шорох колена о ледяные плиты.Я не поднимала головы. Мои глаза уперлись в пол, где из черного мрамора и тусклой, матовой смальты был выложен лик Смерти. Каза-

лось, пустые глазницы мозаичного черепа смотрят на меня с насмешливым сочувствием. Я не видела братьев, но чувствовала их каждой клеткой кожи. Взгляд старшего наследника жег затылок, словно каленое клеймо, а до слуха донесся едва различимый, ядовитый смешок младшего. В груди вскипела ярость — горячая, густая, как расплавленный свинец. Я до боли сжала челюсти, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не сорваться.

— Корт… - Обращение, брошенное Архи, не просто прозвучало — оно ударило в стены, многократно отразившись от высоких сводов. Этот голос обладал весом; от его вибрации пламя факелов в настенных кольцах синхронно пригнулось к земле.— Примитивные существа позабыли о правилах. Призови их к ответу.

— Слушаюсь, Архи.

Мой голос прозвучал сухо и четко, как щелчок взводимого арбалета. Ни тени сомнения, ни лишнего вздоха — так отвечает солдат, чье тело превращено в послушный инструмент. Я застыла, не смея шелохнуться, ожидая, когда эта незримая удавка на моей шее ослабнет.

— На этом всё, — голос Повелителя теперь напоминал рокот далекого обвала, заполняющий каждый дюйм пространства. Он на мгновение смолк, и в этой паузе я кожей почувствовала его тяжелый, давящий взгляд. — Но… будь мягче.

В этих словах не было издевки. В них прозвучала холодная, стальная воля правителя, который знает цену жизни и

смерти. Архи не насмехался — он ставил границу. Это было напоминание о том, что я не просто оружие, а рука Повелителя, и моя ярость не должна затмевать его цели. Он отправлял меня именно потому, что я была эффективна, но его напутствие звучало как приказ сохранить остатки человечности там, где я привыкла оставлять лишь пепелище.Я застыла, переваривая это неожиданное милосердие, которое из его уст казалось более тяжелым бременем, чем приказ о казни.

Я поднялась. Не позволяя себе поднять взгляда, сделала три положенных шага назад — медленно, чеканя каждое движение, чувствуя на затылке липкий холод чужого торжества. Только поравнявшись с тяжелыми створками, я резко развернулась. Зал Совета остался позади, но я кожей чувствовала, как захлопнувшиеся двери отсекли гулкий шепот советников. Я миновала бесконечную анфиладу переходов, где звук моих шагов по камню казался слишком громким, почти вызывающим. Оказавшись в своих покоях, я задвинула массивный засов и на мгновение прислонилась к дереву спиной. Глубокий, хриплый выдох вырвался из груди, разрывая тишину.В комнате царил густой полумрак. Я подошла к столу, на котором в кольце из темного дерева покоился массивный бронзовый диск. Я взглянула на свое отражение.Полированный металл давал тусклое, золотистое свечение, превращая мое лицо в маску из теней и бликов. На меня смотрела высокая девушка с волосами цвета сырой смолы. Слева — три тугих боевых плетения, обнажающих ви-

сок, справа — тяжелые пряди, падающие на спину и прикрывающие лопатки. Черные брови застыли в напряженной линии, а под ними — глаза. Глубокие, бездонные провалы, где нет места белку или зрачку. Только чистая, концентрированная чернота — клеймо Архи, которое невозможно смыть или спрятать.Тугой кожаный лиф сдавливал грудь, мешая дышать, но эта тяжесть была мне привычна — она служила броней не только для тела, но и для сердца. Льняная исподница с узкими рукавами и плотные шоссы, заправленные в сапоги из чепрака, выдавали во мне солдата. Смертные могли бы счесть меня хрупкой, особенно на фоне могучих фигур истинных демонов, но в нашей семье «хрупкость» — это лишь самая опасная форма обмана.Моя внешность была полем битвы двух начал. Основные черты — острые скулы, тонкую шею и мягкий изгиб губ — мне передала мать, ведьма из древнего, но увядающего ковена. А вот тяжелый взгляд и первобытная сила, гудящая в венах, были наследством по папиной линии.Двадцать семь лет назад между ними случилась одна бурная, безумная ночь. Хмельное веселье и случайная страсть без обязательств: верховный демон и свободная ведьма решили на мгновение забыть о законах мира. Но за мимолетное удовольствие пришлось платить мне.Через время мать почувствовала ребенка в своем чреве. Сначала она надеялась, что плод унаследует её дар, что родится ведьма с едва заметными признаками демонической крови — капризная, но своя. Её надежды оказались тщетны,

разбившись о мощь первородного семени. С каждым месяцем кровь Архи внутри неё становилась сильнее, выжигая ведьмовскую суть, превращая беременность в мучительную пытку. На свет появилась я — существо, в котором демоническое начало не просто преобладало, оно доминировало, поглощая всё остальное.Мать испугалась. Увидев мои черные, бездонные глаза, в которых не было ничего человеческого, она поняла, что породила не наследницу, а хищника. Отречение было быстрым и беспощадным: она бросила меня на порог отца, как неудобную ношу, и полностью стерла мое имя из своей памяти.На тот момент папа уже обладал огромной властью. Он позволил мне остаться, не задушил в колыбели, как сделали бы многие на его месте. Он наградил меня своей фамилией — Сангвис, словом, которое сегодня заставляет содрогаться всё живое от края до края мира. Но он был справедлив в своем холоде: он не забыл о моем происхождении. Поэтому рядом с великим именем я ношу вечное клеймо Корт - бастард. Во мне течет не просто кровь демонов, а суть самого могучего и беспощадного существа — великого Архи. У которого есть два законных сына, чистокровных претендента на трон. Несмотря на мощь, пульсирующую в моих жилах, я остаюсь тенью, корой этой семьи, верной и бессловесной слугой. Меня не допускают на Большие и Малые Советы, мое мнение весит меньше, чем пыль на коврах тронного зала. Я застряла в вечном межсезонье: слишком высокородная по крови, чтобы чистить конюшни

вместе с рабами, и слишком «грязная» по статусу, чтобы сидеть за одним столом с высшими советниками.

— Мя-у…Внезапный звук, в котором кошачья ласка переплеталась с утробным, рычащим рокотом, вырвал меня из оцепенения. В глубокой оконной нише, куда едва пробивалось бледное, немощное солнце, сидел Арморис. Угольно-черный мех поглощал свет, а абсолютно черные глаза-провалы смотрели на меня с пониманием, на которое не был способен ни один демон в этом замке.Смертный принял бы его за обычного кота, но я знала истину. Арморис был демоном-перевертышем, существом, чья плоть напоминала живое серебро — она могла переплавляться, принимая формы от тихой тени до смертоносного клинка. Чем древнее и сильнее их род, тем изощреннее их облики, но у этой мощи была цена. Кровная печать. У каждого из них должен быть Сюзерен, чье превосходство закреплено магией на уровне атомов. Они дышат, пока бьется сердце хозяина, но их смерть для Сюзерена — лишь досадная потеря инструмента.Отец подарил мне его ещё в колыбели, когда мы оба были лишь заготовками для будущих чудовищ. Мы росли вместе, делясь силой и яростью, пока он не стал моим живым доспехом. Моим Арморисом.

— Морис… — я позвала его, и мой голос, сухой и ломкий, прозвучал как команда. Я привычно полоснула острым ногтем по внутренней стороне запястья. Кожа разошлась без сопротивления, пуская горячую алую нить.— У нас поруче-

ние Архи.

Морис бесшумным прыжком преодолел расстояние от окна до моего плеча. Я почувствовала его внезапную тяжесть и жар, исходящий от напряженного тела. Капли алой жидкости с тяжелым звуком ударились о каменный пол, расцветая на нем кровавыми цветами.

Я начала шептать слова, — Mœhųfż vijlęr…Воздух в комнате мгновенно изменился. Он стал вязким и невыносимо горячим, как пар над свежей раной на поле боя. Пространство перед нами не просто задрожало — оно закричало, разрываясь по живому. Ткань реальности разошлась рваными краями, обнажая изнанку мира, серую и безмолвную. Один шаг в эту пульсирующую пустоту — и замок Архи исчез, превратившись в воспоминание. Магия рывком протащила нас сквозь тысячи поприщ, неся туда, где в Человеческом гнезде люди уже начали забывать, кто является их истинным господином.

ГЛАВА 2

Мир, каким он был до Первой Тени, делился на четыре равных предела. В те времена четыре народа процветали в хрупком покое, разделенные священными границами.

Люди. Существа, лишенные магической мощи и звериной силы, но наделенные даром, недоступным иным — бездной эмоций. Сердца их наполнились состраданием и заботой, но в те светлые века им еще были чужды истинная злоба

и ярость.

Ведьминский род. Свободные создания, чьи колыбель и могила — сама природа. Им подвластны первозданные стихии: ярость огня и шепот ветра, твердь земли и переменчивость воды. Они — стражи баланса, готовые умереть за равновесие, но цена их могущества высока: они лишены любви. Их души подобны бурному морю, омывающему холодный песок — величественны, но неспособны к привязанности.

Волкодлаки. Те, чья жизнь пульсирует в ритме Луны. Днем они носят человечье лицо, но стоит ночному светилу стать полноликим, как кости их с хрустом ломаются, обретая иную, звериную форму, а сквозь кожу прорастает жесткая шерсть. Физически несокрушимые, они вечно ведут внутренний бой с хищником, усмиряя ярость и жажду убийства.

Демоны. Владыки тьмы и самый могущественный народ. Их век не измеряется десятилетиями — они живут столетиями, а магия их — изнанка ведьмовской силы. Сущность демонов пропитана чужой кровью и муками. Их жажда смерти превосходит звериную ярость волкодлаков, но в отличие от тех, демоны не укрощают свою тьму, а заботливо её вскармливают.

Границы их земель были незыблемы. Народы знали друг о друге, но не искали встреч, храня священное равновесие. Пока гордыня — опасная и коварная спутница демонов — не толкнула их на войну. Демоны устали подавлять лишь рав-

ных, они захотели власти над всеми.

Началась кровавая, беспощадная бойня, эхо которой не затихало века. Мир содрогнулся и пал, пока на всемирный престол не взошел первый Архи, повелев всеми народами разом. С той поры минуло три сотни лет. И сейчас миром правит тот самый Архи, чью волю мы уже познали.

Элира

Всепоглощающая тьма, к которой я привыкла, расступилась с болезненным треском. В глаза ударил яростный, бесцеремонный свет небесного светила — так люди здесь называют свое солнце. Он заполнял галерею до краев, превращая каждую пылинку в золотую искру.

По правой стороне тянулся ряд тяжелых резных оконниц; сквозь них свет падал косыми столбами, разрезая пространство на полосы тени и золота. Левая стена — добротный сруб — была сплошь покрыта изысканной росписью. Сюжеты сменяли друг друга, шепча о чужих подвигах и забытых богах, но для меня это были лишь мертвые картинки.

Я двинулась вперед, едва заметно морщась. Один настырный луч впился прямо в зрачок, вызывая колючую пульсацию в виске. Это мелкое неудобство раздражало сильнее, чем открытая вражда.

— О-о-а-а... — Сдавленный, почти животный звук.

Из-за поворота, едва не врезавшись в меня, выскочил человечишка. От него пахнуло кислым потом и дешевым воском. Его глаза расширились, отражая мой силуэт, как в гряз-

ном зеркале.

— Дона Корт? Князь... Князь не осведомлен о вашем прибытии! — Парень судорожно склонил голову, едва не теряя равновесие от страха и почтения. — Я немедленно... я сейчас же доложу о вашем визите!

Он не ждал позволения. Сорвавшись с места, он метнулся прочь, его сапоги гулко застучали по деревянным плахам пола.

Я чувствовала, как в предплечье пульсирует живая рана. Я намеренно тормозила её заживление: мне не хотелось лишний раз «резать» пространство, пробуждая внутреннюю силу — пусть она лучше копится у самого края, готовая выплеснуться в любой момент. Магия бурлила в крови, требуя выхода, и я не собиралась тратить её на исправление мелкого изъяна собственной плоти.

Я вскинула руку. Пальцы прочертили в воздухе короткий, властный жест, а губы выдохнули ледяное заклятие оцепенения.

Мир для парня схлопнулся. Секунду назад он был воплощением суетливого движения, а теперь превратился в нелепое изваяние. Он замер в нелепом прыжке, одна нога зависла в воздухе, а лицо застыло в гримасе исполнительности.

Я не сбавила шаг. Сравнявшись с этой «живой статуей», я коснулась взглядом его расширенного зрачка, в котором еще трепетал живой ужас.

— Не нужно... — голос прозвучал тише шелеста сухой

травы, — наводить лишнего шума.

Я прошла мимо, даже не обернувшись. Если бы я хотела почестей, я бы сожгла ворота изначально.

За спиной, словно сгусток чернильного тумана, скользил Морис. Его шаги были абсолютно невесомы, ни одна половица не скрипнула под его весом. Он был моей тенью, моим псом, моим молчаливым обещанием смерти для каждого, кто посмеет преградить нам путь.

Впереди коридор разделился на несколько рукавов, словно корни старого, вывернутого бурей дуба. Я замерла. Какой из этих путей ведет к сердцу гнезда?

Я бросила короткий взгляд на пушистое создание у своих ног, отдавая немой приказ. Морис считал его мгновенно. Он выступил вперед, его нос едва заметно подергивался, разрезая тяжелый воздух человеческого жилья, вычленяя среди сотен запахов нужный след. Я двинулись за ним.

Путь оборвался перед громадными дверями. За толстым дубом бурлила жизнь: до моего слуха долетал звонкий смех, чьи-то радостные возгласы и бряцание посуды. Они пировали.

— So0ŕu, — едва слышно выдохнула я.

Заклятие сорвалось с губ невидимой волной. Тяжелые створки не просто открылись — они разлетелись в стороны с оглушительным, громоподобным грохотом, который эхом покатился дальше по анфиладам, выбивая пыль из щелей.

Мир внутри замер. Те, кто мгновение назад смеялся, вско-

чили, опрокидывая кубки и хватаясь за ножи — жалкое подобие обороны. На их лицах суетливое непонимание в долю секунды сменилось вязким, липким ужасом.

— Я не вовремя? — мой голос разрезал воцарившуюся тишину, словно отточенное лезвие из холодного железа.

Я медленно обвела взглядом стол. Вся свора была в сборе. Во главе семейного обеда восседал сам князь Лютобор. Время не пощадило его: волосы подернулись пепельной дымкой старости, а у глаз залегли глубокие, похожие на шрамы морщины.

По левую руку жались его любимицы. Старшая, Мимолика — воплощение деревенской нежности: русая коса, переплетенная полевыми цветами, и пухлое лицо в обрамлении мелких кудряшек. Младшая, Чернава, была её точной копией, разве что стройнее и чуть темнее кожей, словно тень сестры.

Справа застыл Бронислав — законный наследник, будущий князь. Мужественное лицо со следами былых сражений и густая борода не могли скрыть того, как мелко дрожали его пальцы, сжимающие рукоять меча.

А следом, за этим же столом, сидел Радимир. Бастард. Мой взгляд невольно задержался на нем дольше, чем на остальных, и внутри привычно кольнуло ледяной иглой. Он сидел здесь, среди законных детей, делил с ними хлеб и вино, словно имел на это право. Он был таким же «нечистым», как и я, но его не вышвырнули за пределы семьи. Эта несправед-

ливость — видеть бастарда за княжеским столом — задевала меня сильнее, чем солнечный луч в глаза.

Радимир был единственным, чьи плечи не дрожали. В его глубоких голубых глазах не было и капли того рабского испуга, что парализовал его родню. В них полыхала чистая, неразбавленная ненависть. Я видела, как ходят желваки на его массивных челюстях, как он буквально вгрызается в собственную ярость, удерживая её в стальных тисках. Он был воином и прекрасно понимал: стоит ему сейчас сорваться — и этот зал захлебнется в крови.

— Дона Корт, какова цель вашего визита? — Стойкий, на первый взгляд, голос князя вырвал меня из раздумий.

Он пытался сохранить лицо, но я видела, как побелели его костяшки, сжимающие край стола. Я не ответила сразу. Позволив капле темной энергии сорваться с пальцев, я сформировала маленькую угольно-черную сферу. Она была плотной, почти осязаемой, и я лениво перекатывала её меж фаланг, чувствуя её холодный вес.

Сделав несколько неспешных шагов к столу, я наконец подняла взгляд.

— Мы не получили товар, — я вскинула руку, любуясь тем, как идеально ровно сфера застыла на моей ладони.

— Быть не может, Дона Корт! Мы вчера… вчера отправили повозку с Избранной! — Голос князя дал трещину, в него просочились дребезжащие нотки паники. — Может, что-то случилось в до…

Я не дала ему закончить. Резким, хлестким движением я запустила сферу в центр стола. Раздался оглушительный грохот. Магический снаряд не просто снес посуду — он взорвался вихрем темной силы. Блюда с мясом, тяжелые кубки, серебряные вилки — всё это превратилось в грязный шквал, который улетел в противоположную стену. Князь едва успел уклониться; его щеку задел осколок керамики, оставляя красный след.

— Я пришла не за оправданиями, — мой голос стал резким, как удар бича, заставив всех вздрогнуть. Всех, кроме Радимира. — Я пришла за результатом.

— Я вас понял… — пролепетал Лютобор, вытирая пот со лба. — Завтра прибудет новая…

— Ты меня не понял?! — Я почти перешла на крик, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Раз вы не способны справиться с такой простой обязанностью, я сделаю это сама.

Я сделала глубокий вдох, усмиряя огонь в крови, и скрестила руки на груди. Морис за моей спиной глухо зарычал, чувствуя мое настроение.

— У вас времени — не более, чем нужно, чтобы обгорела три лучины. Соберите всех, каждого, кто живет в замке. Я выберу сама.

Князь открыл рот, собираясь возразить, но я лишь медленно изогнула бровь. Этот безмолвный жест оказался громче любого крика. Всё семейство, спотыкаясь и толкаясь в дверях, бросилось вон из залы.

Остался только бастард. Он стоял неподвижно, и его испепеляющий, тяжелый взгляд я чувствовала кожей всё время, пока говорила с его отцом. Я демонстративно проигнорировала его. Обойдя разгромленный стол, я по-хозяйски опустилась в массивное дубовое седалище, на котором только что сидел князь, и бесцеремонно закинула ноги на столешницу. Сфера вновь возникла между моих пальцев — черная жемчужина среди хаоса. Морис уселся у моих ног, глядя на Радимира немигающими глазами.

Тишина стала густой, она давила на виски. Моё терпение таяло. Радимир двинулся к выходу, но у самого порога обернулся.

— Ничто не вечно. Помни об этом, — бросил он мне прямо в лицо.

Его слова не были угрозой — лишь холодным предсказанием. Он исчез в коридоре, не дожидаясь ответа. Я хмыкнула и удивленно вскинула брови. Наглец. Но какой интересный наглец… Посмотрим, как запоет его гордость, когда я начну отбор.

Абсолютная власть — это яд, который со временем становится пресным. Высшим демонам наскучило просто править, и они превратили существование смертных в сад для своих жестоких экспериментов. Ответ на скуку нашелся в капле чужой крови — она оказалась мощнейшим катализатором чувств, даруя остроту, которую невозможно найти в вечности.

С того момента зародился закон Жатвы. Раз в полгода каждый народ обязан поставлять в наши земли одного представителя. И так как высшие демоны одержимы экспериментами, им было совершенно безразлично, кого именно пришлют. Больные, хромые, старики с гнилой жилой или калеки — любой «материал» шел в дело. Им было любопытно: а какой вкус у крови, отравленной предсмертной немощью? Как будоражит суть стакан жидкости, взятой у того, кто уже одной ногой в могиле? Эти поиски новых ощущений бодрили их сильнее любых известных снадобий.

— Дона Корт… — меня отвлек дребезжащий голос слуги. — Все собрались в тронном зале. Ожидают только вас.

Слуга так сильно вжал голову в плечи, что казалось, его шея сейчас хрустнет.

— В тронном? — я не сдержала издевательской насмешки.

В их понимании это было величественное место, для меня же — просто большая клетка.

Парень засеменил впереди, указывая дорогу. Его тело содрогалось от каждого звука моих шагов, словно я била его хлыстом по спине. Я переглянулась с Морисом. В его глазах вспыхнул тот же хищный огонек, что горел сейчас в моих мыслях.

Я едва заметно кивнула. Дозволяю.

Морис метнулся вперед. Резким, ловким движением он впился зубами в лодыжку слуги. Дикий, нечеловеческий рев

ужаса заполнил пространство. Бедняга рухнул на пол, забившись в неконтролируемых судорогах — его разум просто выключился от первобытного страха.

Волна сладкого удовольствия пробежала по моему телу, рисуя на лице довольную ухмылку. Не дожидаясь, пока страх отпустит лежащего, мы двинулись дальше. Теперь дорогу указывал Морис, а я шла следом, растягивая наслаждение от неизвестности. Пусть трепещут, гадая, какой эксперимент я задумала на этот раз.

Мы вошли в залу. Дневной свет выжег здесь все тени, стены пестрели красками, а в ярких вазах по всему залу были расставлены полевые цветы.

Меня встретил Лютобор со своим семейством, а за их спинами в несколько рядов застыли подданные. Сотни склоненных голов. Я сделала вдох, и ноздри уловили густой, соленый запах девичьих слез, смешанный с ароматом увядающих трав.

— Дона Корт, — князь сделал осторожный шаг вперед, его голос дрожал, как сухой лист. — Все в сборе.

Я проигнорировала его, даже не повернув головы. Пройдя мимо главенствующей семьи, я направилась к «основному блюду». Люди стояли плотными рядами, втянув головы в плечи и судорожно сцепив руки в замки. Тишина была такой звонкой, что я слышала их участившееся сердцебиение.

Лишь один парень выделялся из этой серой массы. Его пальцы судорожно сжимали край рубахи, а глаза, вопреки

запрету, метались к помосту, где рыдала Чернава. Я увидела, как младшая дочь князя закусила губу до крови, не в силах отвести от него взгляд. Вот оно. Высший сорт для опыта — кровь, пропитанная не просто страхом, а обреченной любовью. Боль потери сделает её вкус невыносимо острым.

— Этот, — я лениво указала на него пальцем.

За моей спиной раздался резкий всхлип. Мимолика судорожно обняла сестру, пытаясь удержать ту от крика, а Бронислав лишь крепче сжал рукоять меча, пряча глаза. Мой выбор ударил по всей семье сразу.

Парень вышел вперед. Его походка была четкой, но глаза оставались прикованы к Чернаве, чье миловидное лицо уже опухло от слез. Резким движением я полоснула острым ногтем по его предплечью. Тонкая красная нить проступила на коже, и я уже приготовилась прочесть заклятие, как вдруг…

— Стой!

Внезапный крик хлестнул по нервам. Ко мне быстрыми, длинными шагами шел Радимир. Он замер в паре сантиметров от меня, нарушая все границы.

— Не тронь его. Возьми меня. Я — лучше.

Внутри меня всё на мгновение заложило холодом, а затем вспыхнуло. Моя магия отозвалась яростным толчком. Бастард предлагал себя? Я медленно повернулась к нему. Мы стояли так близко, что я видела каждую искру ненависти в его зрачках.

— Считаешь, одного мало? — мой голос стал вкрадчи-

вым. — Хочешь, чтобы я продолжила выбирать, пока этот зал не опустеет?

— Я не это имел в виду, — прорычал он, и я почувствовала его горячее дыхание на своей щеке. Никто не смел дышать так близко к Доне Корт. Я должна была испепелить его на месте, но любопытство пересилило. Я передвинулась ближе, сокращая расстояние между нашими губами.

— Не искушай меня. Ты и так задолжал мне за своё молчание. Пожалеете все, если я передумаю.

Я резко вскинула руку. Пространство вокруг нас начало рваться, затягивая в черную воронку и меня, и моего пленника. Последнее, что я видела — это неподвижная фигура Радимира, который смотрел мне вслед так, словно уже наметил место для моей могилы.

ГЛАВА 3

Элира

Руки утопали в шелковистой прохладе травы. Тяжелые ледяные капли неспешно соскальзывали с узких листов, оседая на запястьях, впитываясь в кожу — это было единственное, что дарило покой. Серебристое сияние луны затопило мир, превращая всё вокруг в призрачный сад из ртути и теней. Я сидела, откинувшись на руки и закинув голову к бездонному небу, жадно впивая кожей холодный свет ночного светила.

Демонам солнце не вредит, но его лучи ощущаются как бесконечное, изматывающее движение острого ногтя по оголенной плоти. Раздражающее, непрекращающееся прикос-

новение, от которого хочется содрать кожу. Но ночь... ночь — это наше время. В сумерках мы расцветаем, обретая истинную силу. Если бы я была вольна, я бы навсегда ушла в тень, засыпая с первым лучом рассвета, но бремя «первого клинка» Архи обязывает бодрствовать, когда мир залит ненавистным золотом.

— Тебя даже искать не надо.

Низкий, вибрирующий голос Мориса вырвал меня из дремоты.

— Всегда здесь, — он опустился рядом, в точности повторяя мою позу.

Я лениво повернула голову. Рядом со мной расположилась сама мощь, воплощенная в плоти. Морис был огромен — в два раза шире и массивнее любого человеческого воина, настоящий литой утес из мышц. Его угольно-черные волосы были сострижены коротко, открывая мощный затылок и крутой разворот плеч. Массивные, хищные скулы, подернутые жесткой темной щетиной, придавали лицу суровость, а чуть выступающие клыки напоминали о его звериной природе.

Но глаза... Это были два колодца из черного янтаря с отчетливым кошачьим разрезом. В их глубине таилась мягкая, вкрадчивая грация опасного хищника, который признает только одного хозяина. Глядя в них, ты понимала: перед тобой кот, но такой, который способен перекусить хребет медведю, даже не прекращая мурчать.

— Я и не пряталась. Охотился? — я снова закрыла глаза, подставляя лицо луне.

— Угу, — его ответ прозвучал как утробный рокот сытого тигра.

Мы замерли, растворяясь в тишине и друг в друге. Морис не был мне слугой или просто живым щитом. Он был братом, единственным существом, чья душа была созвучна моей. Моя опора в кровавом хаосе битв, мой единственный свет в этой вечной тьме. Без него мой мир стал бы плоским и мертвым.

Наше уединение вспороли голоса. Свистящие, противные, царапающие слух — пришли «братья». Я почувствовала, как по телу Мориса прошла волна напряжения, превращая его из ленивого кота в натянутую тетиву.

— А вот и наша угнетенная парочка...

Азар намеренно повысил тембр, делая голос еще более дребезжащим и едким. Они возникли из теней, в нескольких шагов преодолев расстояние, и нависли над нами, словно стервятники, почуявшие свежую падаль.

«Братьям» наскучили серые будни в неприступном замке. Одуряющая благодать и безграничная вседозволенность лишь вытравили из них остатки разума, превратив их характеры в ядовитый концентрат. Они выследили меня с единственной целью — утолить свой голод чужим унижением.

Я едва ощутимо коснулась костяшек Мориса, передавая ему по венам немой приказ: «Стой. Не шевелись». Я кожей

чувствовала, как под его кожей перекатываются жгуты мышц — он был готов сорваться, превратиться в живой таран. Но стервятники только этого и ждали. Любой его жест они вывернут как мятеж, а затем будут упиваться казнью, смакуя каждую каплю его боли.

Я глубоко вздохнула, наполняя легкие холодным ночным воздухом, стараясь вытеснить из мыслей их липкое присутствие.

— Я слышал, ты притащила свежий десерт. Решила лишний раз вылизать сапоги Архи? — Сайкс, младший в их выводке, выплюнул эти слова с тягучей, приторной интонацией.

Он сократил дистанцию, намеренно нависая сверху. Его тень упала на мои руки, утопающие в серебристой траве, а носок его сапога замер в дюйме от моих пальцев. Внутри, в самой глубине естества, вскипела черная ярость. Мне не составило бы труда одним рывком перебить ему голени и смотреть, как он захлебывается собственным визгом, но я заставила себя замереть.

Медленно, с ленивой грацией хищника, которому лень вставать ради мелкой добычи, я подняла веки. Гнев оседал внутри тяжелой, свинцовой мутью, оставляя лишь кристальную ясность.

— Ты слишком много слушаешь чужие пересуды, Сайкс. И слишком мало пользуешься собственным мозгом, — мой голос был подобен хрусту тонкого льда, ровный и пугающе

спокойный. — Если бы я хотела выслужиться, я бы принесла Архи твою голову на блюде. Но господин ценит полезные вещи, а от пустой кости проку мало.

Сайкс грубо выдохнул. Его лицо перекосило от злобы, и он с размаху ударил ногой по моей руке, выбивая опору. Я повалилась на землю, и над поляной разлился их дикий, издевательский хохот, бьющий по ушам. Я молча сжала ладони в кулаки, чувствуя, как собственные ногти с хрустом впиваются в плоть, вскрывая кожу.

«Братья», потеряв ко мне интерес, перешагнули через моё тело, словно через дорожную грязь, и уставились на Мориса.

— А ты, мясо в доспехах, притащишь к ужину огромного кабана. Живо! — Сайкс презрительно пнул носком сапога голень Мориса, и звук удара гулко отозвался в тишине.

Развернувшись, они вальяжно зашагали прочь. Я могла вытерпеть любое унижение, направленное на меня, могла снести любую насмешку над собой, но Мориса я в обиду не дам. Никогда.

Я перевернула окровавленную ладонь к земле, пачкая развороченные пальцы в черноземе.

— Miḷoton... — выдохнула я заклинание, и воздух вокруг нас мгновенно застыл, став вязким и ледяным.

Я кожей ощутила, как черные щупальца моей магии, тяжелые и живые, вырвались из теней. В один миг они настигли уходящих, хищно обвились вокруг их лодыжек и стремительно поползли вверх, заключая их тела в пульсирую-

щий кокон. Сайкс и Азар дернулись, пытаясь разорвать путы, но мрак лишь плотнее сжимал их ребра, вышибая дыхание. Воздух наполнился их злобным шипением.

Одним резким рывком я поднялась на ноги. Не отрывая взгляда от бьющихся в ловушке «братьев», я подошла к ним вплотную, чувствуя исходящий от них запах страха и пота.

— Арм — мой щит. Вам он не подчиняется, — я буквально выплюнула эти слова им в лица, обжигая их своим холодом.

Я уже миновала их, когда Азар проорал мне в спину свой последний, самый гнилой козырь:

— Ты всё равно подстилка! Одно моё желание, и ты окажешься в моей постели, как обычная дешёвка!

От этой мерзости я замерла. Медленно, смакуя момент, я развернула их тела своей магией к себе, заставляя смотреть мне в глаза. Морис встал за моей спиной, и его тень накрыла нас всех, как погребальный саван.

— Ты слишком слаб духом для подобного, Азар, — я сухо рассмеялась, глядя в его расширенные от ужаса зрачки. — Пойти против воли Архи и замараться моей «испорченной» кровью? Ты не дорос.

Я резко развернулась и прибавила шаг. Морис молча последовал за мной, и я кожей чувствовала исходящий от него жар — жар хищника, который лишь чудом не сорвался с цепи. Мы оставили их в коконах. Пусть поразмыслят о своем поведении в тишине.Если у них хватит ума, они выберутся

раньше, чем их застанет в таком позорном виде челядь.

Ответ «братьев» не заставил себя долго ждать. Солнце еще не успело выплеснуть на мир первые лучи, а в дверь моей обители уже колотили с тупым, настойчивым остервенением, отдававшимся звоном в висках.

— Дона Корт, вас вызывает Архи. Немедленно! — низкородный слуга застыл в дверях, вжав голову в плечи. Он не смел поднять глаз, превратившись в бездушную тень, транслирующую чужую волю.

Короткий кивок, и я направилась по бесконечным, выстуженным коридорам замка. Я знала, что у моих ночных действий будут последствия. Кровные дети никогда не упустят возможности полюбоваться моими страданиями, но в моей груди не было ни капли сожаления. Я не боялась его гнева — я приму его с той же ледяной честью, с какой приносила ему победы.

Архи ждал меня в личных покоях, куда допускались лишь избранные. Пространство здесь было пропитано удушливым ароматом горьких масел и старой пыли, скопившейся на тяжелых бархатных портьерах. Массивные колонны, подобные ногам гигантских спящих зверей, уходили в непроглядную черноту высокого свода, давя на плечи своим величием. За тяжелым дубовым столом, поверхность которого была испещрена шрамами от ножей и завалена древними свитками, сидел господин.

Дойдя до середины покоев, я опустилась на одно коле-

но. Холод мраморного пола мгновенно прошил сустав, но я не вздрогнула. Покорно склонив голову, я замерла, став частью этого неподвижного интерьера. В дальнем углу комнаты, скрытые завитками густого дыма от курильниц, стояли его сыновья. До меня доносились их ядовитые шепотки и шуршание дорогих одежд — они ждали моей крови, как стервятники ждут конца агонии.

Архи долго хранил молчание, позволяя тишине вязким киселем заполнить пространство. Он даже не поднял взгляда от пергамента, когда заговорил. Его голос, сухой и скрипучий, словно треск костей, разрезал воздух:

— Ты забыла, кто ты, Элира. Забыла, зачем ты здесь и кому по праву принадлежит каждый твой вздох.

Он медленно поднял голову. Его глаза, подернутые мутной пеленой безразличия, впились в меня, как крючья. В этом взгляде не было ни ярости, ни сочувствия — лишь холодная оценка полезности инструмента.

— Ты — клинок в моих руках. Моя воля, облаченная в плоть. И ты посмела обратить мою магию против моей же крови? Ты возомнила, что победы дают тебе право судить моих сыновей?

Он резко ударил ладонью по столу. Грохот эхом раскатился под сводами, заставив пламя свечей испуганно присесть. «Братья» в углу мгновенно замолкли.

— Ты совершила непозволительное и понесешь заслуженную кару. До заката ты будешь гнить в Пустоши Сдирания.

Холодный приговор Архи ударил наотмашь, выбивая воздух из легких. Пустошь... место для изменников и отбросов. Самый черный, забытый богами угол нашего мира, где само время замирает, чтобы подольше насладиться твоей агонией. Там каждый порыв ветра — это тысячи раскаленных лезвий, срезающих кожу слой за слоем, оставляя лишь пульсирующее сырое мясо. Каждый вдох — это облако колючей пыли, прошивающее легкие насквозь. Пустошь не убивает демона, она превращает его существование в бесконечный цикл регенерации и боли в цепях, сковывающих волю.

Ледяной холод окутал мое тело. Я не успела даже вдохнуть, когда Архи мертвой хваткой вцепился в мой локоть. Он грубо рывком поднял меня с колен, и я услышала рокочущие звуки заклинания перемещения. «Только не он. Только не его руками», — пронеслось в голове. Я зажмурилась, готовясь к первому удару обжигающего ветра.

Но моей кожи коснулся лишь ласковый, прохладный ветерок.

Я опасливо открыла глаза и замерла. Мы не были в Пустоши. Мы были в саду, скрытом от чужих глаз. Архи смотрел на меня, и его взгляд... он изменился. В нем больше не было льда, только мягкая, почти светящаяся забота. В этот миг передо мной снова стоял мой папа.

Он притянул меня к себе, заключая в крепкие, пахнущие теплом и домом объятия.

— Сокровище моё, прости меня, — его шепот в самую

макушку заставил дрожь утихнуть, а сердце — зайтись в немой благодарности. — Я был слишком груб с тобой, Элира. Слишком груб…

Мы заняли наше место под старой, раскидистой яблоней. Этот сад был единственным живым пятном в царстве холодного мрамора. Здесь не было вычурности — только мягкий ковер из изумрудного мха, аромат цветущего жасмина, бьющий в ноздри своей сладостью, и хрустальный звон невидимого ручья, текущего где-то в корнях.

Воздух здесь не давил, он был пропитан запахом нагретой коры и прелой листвы, даря ощущение абсолютной безопасности. Тонкие ветви деревьев, отягощенные наливающимися плодами, склонялись к самой земле, создавая естественный купол, сквозь который не мог просочиться ни один чужой взгляд.

— Мне этого так не хватает... — прошептала я, закрыв глаза. Моя голова покоилась на его коленях, а его тяжелая, теплая ладонь нежно гладила меня по волосам.

— Мне тоже, сокровище. Всем от меня вечно что-то нужно. Я вынужден быть Архи каждую секунду. Сотни глаз следят за каждым моим жестом, выискивая слабость... И я не могу уделить время самой любимой девочке на свете. — Его голос, теперь тихий и лишенный стали, окончательно смывал остатки ночного кошмара.

— Я понимаю. Правда, — я приподнялась, заглядывая в глаза отца. — Твой чин слишком высок, папа. Я не обижа-

юсь. Для меня главное — что у нас есть хотя бы такие мгновения.

— Моя умная девочка. Я не представляю свой мир без тебя.

Мы смотрели друг на друга под сенью яблони, и в этом взгляде было столько неприкрытой любви, сколько, казалось бы, просто не может существовать в суровых сердцах демонов. Но в этом тайном саду законы нашего мира не действовали.

Дневное светило наконец раскинуло свои золотые лучи над садом, превращая капли росы на траве в россыпь сияющих камней. Архи тяжело вздохнул — время ворованного покоя истекло.

— Мне пора. Оставайся здесь до самого заката. Я вернусь за тобой, когда тени вновь станут длинными. Наслаждайся тишиной и плодами этого сада. Если хочешь... я пришлю к тебе Мориса.

— Морис будет отличной компанией, — я слабо улыбнулась.

Отец запечатлел мягкий поцелуй на моей макушке и в следующее мгновение просто растворился в воздухе, оставив после себя лишь легкое колебание листвы и едва уловимый аромат горьких трав.

ГЛАВА 4

Сильвестра

Лунный свет вспорол ночное небо, раскинув серебряные

лучи, точно острые спицы. Босые ноги тонули в прохладной зелени, а легкие до краев заполнял густой, почти осязаемый дух хвои, прелой смолы и ночных цветов. Маленькие светлячки и призрачные бабочки вплетались в танец у самого лица. Я оставила все деревенские невзгоды за чертой леса — здесь я растворялась в дикой, необузданной силе.

Из тени векового дерева, чья кора напоминала чешую древнего ящера, выступила фигура. Улыбка сама расцвела на моих губах, и я сорвалась на бег навстречу другу.

— Я же велел ждать у окраины, — Радимир не стал дожидаться, пока я подбегу, и сразу обрушил на меня суровый тон. Его густые брови сошлись у переносицы, превращая лицо в маску грозного наставника. — Почему ты так беспечна? Звери дичают, превращаясь в Лютых. С каждым днем их всё больше. Они рвут плоть без причины, рассудок выжжен, ими движет лишь жажда крови.

Я замедлила бег, переходя на шаг. Нужно дать ему выговориться, иначе его поучениям не будет конца.

— Или ты хочешь, чтобы я нашел в чаще твои обглоданные кости? — продолжал он, и в его голосе прорезался металл. — Знай, хоронить не стану. Оставлю как есть, на забаву воронью.

Я подошла вплотную и крепко сжала его плечи, чувствуя под пальцами жесткую ткань и твердые мышцы.

— За это я буду являться к тебе душным маревом каждую темную ночь, — шепнула я.

Рад закатил глаза и с тяжелым вздохом — так выходит воздух из кузнечных мехов — снял мои руки со своих плеч.

— Тебя бесполезно вразумлять.

Он не отпускал мои кисти. Его ладони, огрубевшие от труда, были горячими, но в глазах застыла холодная боль и терзания. Мы медленно двинулись вглубь чащи. Рад молчал, его широкие плечи вздымались от тяжелого, рваного дыхания. Мозолистые пальцы сжимались в кулаки так, что белели костяшки. Что-то грызло его изнутри, какая-то тайна, о которой не шепчутся даже при лучинах.

— Как дела домашних? — я выбрала самую любимую тему друга. О своих близких он мог говорить часами, забывая о пересудах и молве.

— Жизнь течет своим чередом, — Радимир едва заметно расслабился. — Чернава тайно встречается с Тихомиром. Она всё еще убеждена, будто мы не ведаем о них. Не замечаем коротких взглядов и робких улыбок, что она дарит ему украдкой. Как розовеют её щеки от его слов, и как дрожь бежит по телу от мимолётных прикосновений... Отец одобряет выбор дочери, но ей еще не открылся. Ждет, пока Тихомир сам явится просить её руки. Я толковал с Тишкой — через неделю он закончит ковать кольцо, и тогда закатим дивную свадьбу.

На лице Радимира заиграла легкая, светлая улыбка. Его мозолистые ладони раскрылись, а напряженные плечи наконец опустились. Мы дошли до нашего заветного озера и сели

у огромного валуна, под изумрудной гривой векового дуба, молча любуясь зеркальной гладью воды.

Мысли текли тяжело, не давая насладиться миром. Свинцовая новость давила на грудь, и я решилась разделить эту ношу.

— Завтра день Жатвы, — я выдохнула это глухо, и легкие сдавило, точно обручем.

Каждые полгода мы обязаны отдавать своих на растерзание беспощадным демонам, дабы избежать кровавой расплаты за непослушание.

— От Аквилоны уже вторую полную луну нет вестей. Старосты твердят, что она воссоединилась с природой, и пришло время её заменить, — я замолчала, чувствуя, как немеет язык. Свыкнуться с этим было трудно, но облечь в слова — еще сложнее. — Сегодня тянули жребий... По воле судьбы, я та, кто займет её место.

— Нет! — Радимир резко развернулся, вцепляясь в мое плечо мертвой хваткой, будто я могла исчезнуть прямо сейчас. В ответ я лишь горько и мягко улыбнулась.

— Иного пути нет, Рад. От моей доли зависит будущее мира. Мы слишком долго жили под гнетом темных, пришло время покончить с тиранией. Аквилона и так слишком долго следила за ними, делясь с нами тайным знанием. Но для победы этого мало.

Я смотрела в глаза Радимира, и с каждым моим словом его лицо наливалось тяжелой, звериной яростью. Он молчал, но

я слышала, как в абсолютной лесной тишине скрипнули его зубы — сухой, костяной звук, от которого по спине пробежал холодок.

— Я могу тебя спрятать, — его голос упал до хриплого шепота. Рад чуть ослабил хватку, но его взгляд сверлил меня насквозь, точно пытался приковать к месту, не дать сделать и шага к гибели.

— Знаю. Но не стану. — Я коснулась его щеки. Колючая, жесткая щетина обжигала подушечки пальцев. — Аквилона подарила нам год затишья. Дважды отдавали тех, чья свеча и так догорала. Но время вышло. Эту чашу я выпью с честью, Рад.

— Да пойми же ты! — Рад сорвался на крик. Звук ударился о стволы вековых деревьев и тяжелым эхом покатился по чаще, заставляя ночных птиц с шумом сорваться с веток. — Ты не должна гнить заживо ради призрачного счастья, которого мы никогда не увидим!

— Разве? А чем я лучше тех, кто уже ушел в бездну? — Мой голос звенел ровно и чисто, как замерзшее озеро. — Смотри, лучина неба гаснет. Нам пора.

Мы поднялись. Тени от дуба вытянулись, превращаясь в причудливых чудовищ. Рад шел за мной, чеканя шаг, а я чувствовала спиной его тяжелое, прерывистое дыхание.

— Я рада, что эта ночь была нашей, — я обернулась у самой кромки леса. — Мы еще встретимся, Рад... Если не в этой жизни, то в шелесте травы или беге волка.

Я прижалась к нему в последний раз. Его мощные руки обхватили мою талию, пальцы впились в лопатки. Он зарылся лицом в мои волосы, судорожно вдыхая запах хвои и горькой смолы — так запоминают последний глоток воздуха перед тем, как уйти под воду.

В деревню я возвращалась одна. Едва тень Радимира растворилась в сумерках, я сорвала с лица маску спокойствия. Горло сдавило железным спазмом, в груди что-то лопнуло, разливаясь невыносимой физической болью. Ноги подкосились, и я рухнула в сырую траву.

Я билась в лихорадке, вырывая землю вместе с корнями, пока под ногтями не запеклась грязь вперемешку с кровью. Беззвучный надрыв перерос в оглушительный, звериный крик, который захлебывался в рыданиях.

И в этот миг лес ответил.Воздух вокруг меня стал плотным, как стоячая вода, а затем резко взорвался. Невидимая волна ударила в стволы деревьев, сдирая кору и заставляя вековые дубы стонать под натиском стихии. Магия воздуха, которую я так долго усмиряла, вырвалась наружу колючим вихрем. Ветер свистел в ушах, превращая мои слезы в ледяную крошку, он резал листья в труху и прижимал траву к самой земле, будто заставляя весь мир преклонить колени перед моей болью.

Над головой затрещали ветви — воздух высасывал жизнь из всего, чего касался мой гнев. На секунду в центре этого шторма образовалась абсолютная пустота, вакуум, от кото-

рого в легких лопнули сосуды, и рот наполнился привкусом меди. Я была эпицентром разрушения, штилем внутри урагана, который сама же и породила.

Я кожей чувствовала гниль этого мира: пока одни в Замке демонов упиваются властью, другие должны разрывать свою душу в клочья на пыльной тропе Жатвы.

К первым лучам солнца я поднялась. Лицо застыло, превратившись в бледную, холодную маску. Я готова.

Глава 5

Сильвестра

Тень ломалась под моими ногами, расплескиваясь по камням грязным пятном. Деревня замерла. Окна лесных домиков глядели слепо и мертво — там, за тонкими стенами, в глубоком сне покоились ведьмы.

Вчерашний морок прощания все еще лип к коже. Меня наряжали, точно куклу, умащивали благовониями и ловили каждое слово, стараясь превратить мой последний вздох в праздник. Но какая радость может быть у заходящего солнца, если оно знает: за краем горизонта ждет лишь вакуум?

Старейшины ждали на крыльце избы. Лица — иссохшая кора, покрытая сотнями морщин, глаза — выцветшая слюда, лишенная былого блеска. Великое знание, что они несли сквозь века, теперь тянуло их к земле. Я шла к ним, не торопя свой черед, стараясь удержать в легких последние глотки вольного воздуха.

— Дитя, пора, — скрипучий голос полоснул по ушам, как

ржавый нож.

Я не ответила. Во рту скопился густой привкус меди, а в груди, там, где раньше билось сердце, теперь гудел ледяной поток. Когда старейшины направились к дороге, я последовала за ними, точно тень.

На тропе ждал он. Смольно-черный конь, чья шерсть отливала антрацитом — живой проводник в обитель демонов.

— Ступай, — дряхлая ладонь коснулась моей щеки. Кожа старейшины была сухой, как старый пергамент. — И помни, для чего ты там.

Я прикрыла глаза всего на миг, позволяя себе впитать это последнее тепло. Короткая вспышка человечности перед тем, как стать инструментом.

— Я не подведу, — мой голос прозвучал чужим, мертвым.

Я обошла провожающих и вскочила в седло. Зверь не ждал команды — он сорвался с места, неся меня прочь от дома. Я обернулась лишь раз, глядя, как прошлая жизнь превращается в точку, оставляя за спиной любовь, сожаления и молву.

Демоны продумали Жатву с изысканной жестокостью. Каждое действие — новый виток боли. Сначала тебя выбирают свои. Те, с кем ты росла, с кем делила хлеб и кров. Твои родные сами отдают тебя на заклание ради призрачного «будущего благоденствия».

Затем — дорога. За тобой не присылают конвой. Ты должна приехать сама. Тебе оставляют иллюзию выбора, возмож-

ность бежать, но ты знаешь: на рассвете за твой побег деревня расплатится кровью. Своей собственной.

И венец этого ужаса — неизвестность. Никто не возвращался из замка. Те крохи вестей, что ведьмы-предшественницы передавали старейшинам, хранятся в строжайшей тайне, чтобы не плодить панику. Вчера завеса приоткрылась. Совсем немного — ровно столько, чтобы я не сошла с ума в первый же час, увидев свою судьбу.

Я знаю свою роль. Я стану игрушкой в руках тех, кто не знает жалости. Но под моей кожей уже зреет буря.

Солнце взобралось в зенит, безжалостно расплескав жар по лесной тропе. Свет слепил, но не грел — он лишь ярче подсвечивал пыль, поднятую копытами моего зверя. Когда вековые деревья расступились, открывая вид на поляну у тракта, ведущего к людским селениям, грудь сдавило колючим спазмом.

Мысли, вопреки воле, метнулись к Радимиру. Перед глазами всплыл его яростный взгляд и вечно сбитые костяшки. Главное, чтобы он не натворил безумств, не бросился на рожон в своем ослепляющем гневе. Я знала его слишком хорошо: в его голове, точно в плавильном котле, то и дело рождались сумасбродные, опасные идеи.

Но нахлынувшие видения прошлого оборвал резкий, бьющий в ноздри металлический запах. Кровь.

Я замерла, когда увидела их. Весь покой поляны был растерзан в клочья. Посреди истоптанной травы лежало то, что

еще недавно было конем и старой человеческой женщиной. Вся земля вокруг напиталась багровой жижей, превратившись в липкое болото. Зрелище вывернуло нутро: выпотрошенные кишки, застывший ужас в остекленевших глазах, рваные края плоти.

Их убили. Жатва прервана. Если демоны не получат обещанное к закату, на рассвете деревню захлестнет кровавая расправа. Нужно немедленно подать знак Раду, предупредить, заставить их бежать или встать в строй...

Я резко потянула коня за гриву, заставляя его остановиться. Тишина, воцарившаяся на миг, была ложной. Из высокой травы, прямо из земли, донеслось утробное, клокочущее рычание. Секунда — и из укрытия вымахнула огромная серая тень. Лютый.

Зверь бросился в нашу сторону, обнажая окровавленные клыки. Я со всей силы ударила пятками по бокам коня, заставляя его сорваться на бег. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Но едва мы попытались свернуть к людским домам, дорогу преградил второй Лютый — еще более массивный, с безумным блеском в глазах.

Путь назад был отрезан. Твари накидывались с двух сторон, загоняя нас, словно дичь. Нам не оставили выбора. Единственная тропа, еще свободная от зубов и когтей, вела только в одну сторону — прямиком к замку демонов.

Кровь пульсировала в висках, а вакуум внутри заполнился первобытным криком. Мы неслись в пасть врага, потому что

только там смерть была хотя бы предсказуемой.

Конь мчался с дикой скоростью, буквально разрезая душный полуденный зной. Солнце стояло высоко в зените, его слепящие лучи безжалостно резали глаза и плавили воздух — вековая чаща сливалась в единую зловещую полосу. Позади, сотрясая саму землю, неслись Лютые. Их утробный, дичающий рык настигал, вибрировал в грудной клетке. Магия воздуха ворочалась внутри, но выпустить ее наружу означало разом потерять контроль, разжать пальцы и разбиться о камни.

Постепенно залитый солнцем пейзаж начал стремительно мертветь. Деревья вокруг искривились, их кроны сплелись в плотный гнилостный навес, пожирающий дневной свет, а земля под копытами окрасилась в цвет сажи. Местность дышала могильной сыростью и мраком, чуждым живому миру. Вдруг яростный гул за спиной оборвался. Звериный рык захлебнулся, сменившись испуганным скулежом, и Лютые резко прекратили погоню, словно наткнулись на невидимую стену. Охотники отступили перед лицом чего-то куда более опасного, и от этого осознания по спине побежал ледяной пот.

Суставы ныли от дикого напряжения, пальцы намертво свело судорогой, а из глаз, ослепших от встречных потоков горячего ветра и яростного света, текли злые слезы. Когда конь резко перешел на рысь, я заставила себя поднять голову. В вышине, пробивая дневное марево, возвысился огром-

ный темный замок. Его острые черные пики уходили высоко в небо, словно когти неведомого чудовища, заслоняя собой солнце. Животное замерло, требуя, чтобы я спустилась. В этот миг во мне образовался глухой вакуум. Горло сдавил ужас, тело окаменело, а во рту появился отчетливый привкус меди. Я до хруста сжала кулаки, так что костяшки пальцев побелели.

— Ведьма? — мужской голос заставил вздрогнуть.

Он соткался будто из ниоткуда, шагнув из густой тени замковых ворот по правую сторону. Высокий, подтянутый, с хищно очерченным силуэтом и короткими темными волосами.

Пути назад больше не было. Набрав в легкие раскаленного воздуха, я попыталась вытолкнуть из себя твердое:

— Да.

Мужчина сделал шаг вперед и протянул руку, помогая соскользнуть на землю. Его кожа обожгла контрастом — она была неестественно горячей, жарче самого полуденного солнца. Огромная, сухая ладонь полностью поглотила мою кисть, закрепляя негласный договор Жатвы.

Горячие пальцы незнакомца сомкнулись на моем запястье с обманчивой мягкостью. Внутри меня все трепетало от дикого, животного страха перед этой неизвестностью. Каждый нерв был натянут до предела. Мужчина двигался с поразительной, почти пугающей грацией — плавно, бесшумно, словно хищник, который не переставляет ноги, а перетекает

из одного положения в другое. В его осанке и высоком, статном силуэте сквозила скрытая сила, но манеры оставались безупречно любезными. Он мягко увлек меня за собой, направляясь к массивным замковым воротам.

— Слишком рано для Жатвы, — раздался его бархатный, чуть рокочущий голос. В интонациях слышалось искреннее удивление. — Обычно ваши сестры торопятся оттянуть неизбежное и прибывают лишь к закату, когда солнце касается горизонта. Вы же явились в самый зенит. Неужели так спешите отдать долг Архи?

Его кошачий, скользящий шаг заставлял меня чувствовать себя пойманной птицей. Я едва поспевала за ним, чувствуя, как внутри разрастается глухой вакуум, а во рту все еще держится горький привкус меди. Этот мужчина казался слишком чужим, слишком непонятным для здешних суровых земель. В нем не было грубости — только пугающий лоск и выверенная галантность.

— Я не привыкла ждать, — вытолкнула я из пересохшего горла, стараясь, чтобы голос не дрожал от сковавшего тело ужаса.

Мужчина на секунду замедлил шаг, увлекая меня под прохладные своды каменной арки замка. Его темные глаза скользнули по моему лицу, оценивая бледность кожи и запекшуюся кровь на губах от бешеной скачки. На губах незнакомца промелькнула едва заметная, мягкая улыбка, лишенная злобы, но от этого ставшая еще более жуткой.

— К тому же, вы слишком молоденькая для этого черед а, дитя, — тихо добавил он, открывая передо мной тяжелую дубовую дверь, ведущую вглубь цитадели. — Слишком юная ведьма, чтобы так покорно шагнуть в пламя. Прошу вас, идите за мной.

Я лишь слабо усмехнулась, стараясь удержать на лице привычную маску уверенности. Раз уж мой черед настал, глупо было показывать страх тому, кто ведет меня на убой. Мы перешагнули порог, и тяжелая дубовая дверь за нами захлопнулась с глухим, роковым стуком, отрезая солнечный свет.

Внутри замок Архи поражал своим мрачным, подавляющим величием. Это была монументальная, пугающе красивая цитадель, высеченная из темного, почти антрацитового камня. В архитектуре преобладали суровые, готические линии: огромные стрельчатые своды терялись в вышине, а вдоль стен тянулись колонны, похожие на застывших каменных исполинов. Интерьер дышал роскошью, но эта роскошь была соткана из грозовых, иссиня-черных и глубоких серых тонов. Изредка блеклые луны, заменявшие факелы, бросали тусклые отсветы на холодный мраморный пол, который отражал наши силуэты.

— Мда, с дизайном интерьеров у вас тут строго, — нарушила я гнетущую тишину, с любопытством рассматривая уходящие вверх бесконечные тени. — Но величие впечатляет, признаю.

— Рад, что цитадель Архи пришлась вам по вкусу, ведьма, — отозвался мой проводник, даже не обернувшись. В его кошачьих повадках снова промелькнуло нечто хищное и плавно-грациозное. — Позвольте спросить, как мне к вам обращаться?

— Сильвестра.

— Меня зовут Арморис, — он чуть повернул голову, выказывая безупречную вежливость, но его взгляд оставался непроницаемым.

Он вел меня по запутанному лабиринту глухих коридоров. Мы поднимались по крутым каменным лестницам и проходили мимо запертых галерей, где царило полное безмолвие. Никаких пустых обещаний безопасности от него не прозвучало — его галантность была лишь сухой броней, за которой скрывался истинный порядок этого места. Замок казался обитаемым, но в то же время совершенно пустым, словно огромный склеп, ждущий своего часа.

Наконец, Арморис остановился перед высокой, украшенной кованым железом дверью в конце коридора. Надавив на массивное кольцо, он плавно распахнул ее, приглашая меня войти в просторную отдельную комнату. Арморис мягко подтолкнул меня в спину, увлекая за порог, и дверь за нашими спинами затворилась с сухим щелчком.

Комната внутри напоминала гибрид пыточной и стерильного кабинета. В нос тут же ударил резкий, до тошноты знакомый запах спирта, жженой кости и застарелого железа.

Вместо свечей под потолком тускло сияли стеклянные трубки с бледным магическим огнем. В центре стояло массивное кресло из темной кожи с фиксирующими ремнями, а рядом — металлический столик, заставленный блестящими иглами, шприцами необычной формы и стеклянными колбами.

У столика, сгорбившись, суетился мужчина в окровавленном фартуке. Когда он резко обернулся, у меня перехватило дыхание. Это был демон. Его бледная, почти прозрачная кожа туго обтягивала череп, длинные сухие пальцы подергивались, а безумные желтые глаза с вертикальными зрачками лихорадочно расширились при виде меня. Он выглядел как лекарь, окончательно потерявший рассудок от своих изысканий.

— О-о-о… какое чудо! Молодое, свежее чудо! — демон заверещал, тонко и неестественно, всплеснув руками. Он засеменил ко мне, шумно втягивая носом воздух. — Арморис, мальчик мой, где ты откопал этот бутон? Давно, ох, как давно мы не пробовали столь сладкого, нетронутого десерта! В воздухе прямо-таки пахнет грозой и чистым, неиспорченным нектаром!

Я попятилась, но уперлась спиной в грудь Армориса. Внутри меня образовался ледяной вакуум. «Десерт»? «Попробовать»? Мой мозг отказывался сопоставлять эти врачевательные инструменты и плотоядный, голодный блеск в глазах этого существа.

— Мы будем беречь тебя, крошка, — безумный лекарь по-

тер иссохшие ладони, и на его губах выступила липкая слюна. — Только по праздникам… Архи получит лучшее! Да-да, порционно, аккуратно, чтобы не увяла раньше чередного срока. Но сегодня… сегодня я обязан взять пробу. Совсем чуть-чуть. Ради науки! Ради предвкушения!

Он схватил меня за локоть. Его пальцы были ледяными, словно у мертвеца, и впились в кожу мертвой хваткой. Я дернулась, ища глазами помощь, и посмотрела на Арморис. Тот стоял неподвижно, сложив руки за спиной. Его лицо оставалось абсолютно отрешенным, маска галантного джентльмена сменилась холодной броней равнодушия. Он смотрел не на меня, а куда-то сквозь стену.

— Покорность сокращает черед мучений, Сильвестра, — тихо, почти беззвучно произнес Арморис. В его голосе не было жалости, только глубокая, вековая усталость того, кто видел это сотни раз. — Не борись с тем, что больше тебя. Так будет легче.

Эти отрешенные, лишенные сострадания слова почему-то больно полоснули по сердцу, заставив его пропустить удар. В них не было издевки — лишь пугающая, честная констатация моей беспомощности.

Двое сильных слуг, соткавшихся из теней, бесшумно усадили меня в кресло, намертво затянув кожаные ремни на запястьях и предплечьях. Я оказалась распята. Демон-лекарь лихорадочно забормотал под нос, его движения стали дерганными, безумными. Из-за пазухи он достал жгут из грубой

кожи и с силой перетянул мне руку выше локтя. Пальцы тут же начали неметь, сосуды надулись, готовые лопнуть.

— Ну же, не сжимай кулак, дай соку течь свободно, — прошипел он.

В его руке блеснула толстая, полая внутри игла, соединенная длинной стеклянной трубкой с пустой банкой. Кожу на локтевом сгибе обожгло ледяным спиртовым раствором. Секунда — и плоть пронзила острая, прошивающая насквозь боль. Я до скрежета зубов сжала челюсти, чувствуя, как во рту мгновенно разливается густой, металлический привкус меди. Демон с силой провернул иглу в вене, отыскивая нужный проток. На лоб выступил холодный пот, перед глазами все поплыло.

Раздалось мерзкое, хлюпающее чавканье. По прозрачной трубке толчками побежала моя темно-бордовая, густая кровь. Для них это была не просто работа — я видела, как расширились ноздри лекаря, как он задрожал всем телом, впадая в экстаз от одного лишь запаха. Моя жизненная сила, моя магия воздуха, запертая в теле, уходила в эту банку, превращаясь в наркотик для чудовищ. А я сидела, прикованная к креслу, совершенно не понимая, что они собираются делать со мной дальше на этой проклятой Жатве.

Процедура завершилась так же внезапно, как и началась. Стеклянная банка наполнилась едва ли на пол-литра — для демона это была лишь мимолетная проба, а для меня — бесконечный круг ада. Острая боль в руке утихла, сменившись

тупой ломотой, но сознание я не потеряла. Тяжелее всего был шок от осознания, в какой капкан я угодила.

Кожаные ремни с сухим треском расстегнулись. Слуги-тени без церемоний вздернули меня на ноги. Слабость на мгновение заставила колени подогнуться, но я упрямо выпрямила спину. Лекарь уже не замечал меня, благоговейно прижимая к груди колбу с моей бордовой кровью и что-то безумно бормоча себе под нос. Арморис к этому моменту бесшумно исчез из кабинета.

Конвоиры поволокли меня прочь. Обратный путь по бесконечным лабиринтам цитадели казался еще мрачнее. Стены словно сжимались, а антрацитовый камень впитывал остатки дневного света, погружая коридоры в зловещий полумрак. Мой мозг лихорадочно цеплялся за обрывки мыслей, пытаясь осознать масштаб катастрофы, когда шедший впереди слуга резко замер.

— Склони голову! Живо! — приказ прозвучал как хлыст. Нас грубо вжали в холодную каменную нишу у стены.

Из-за поворота показалась процессия. Впереди шла женщина, чье появление мгновенно заставило замолчать даже эхо в коридорах. Донна Корт. Я покорно опустила взгляд, как того требовали конвоиры, но успела рассмотреть ее.

Она двигалась с невероятным, царственным величием. В ее осанке, гордом развороте плеч и хищной грации читалась абсолютная, непоколебимая власть. Она была демоном, но разительно, колоссально выбивалась из всего этого мрачно-

го, безумного пейзажа цитадели. В ней не было той гнили и помешательства, что у лекаря. Только чистая, пугающая, воинственная эстетика. Рядом с ней, чуть позади, шел Арморис, безупречно держа дистанцию и сохраняя свой галантный лоск. Они смотрелись как два идеальных хищника высшего порядка на фоне бесформенных слуг-теней.

Шелест ее тяжелого платья затих вдали, унося с собой эту странную, завораживающую энергетику.

Слуги бесцеремонно толкнули меня дальше. Короткий переход — и передо мной распахнулась дверь отведенных покоев. Меня впихнули внутрь, и за спиной с тяжелым, металлическим скрежетом повернулся засов. Я осталась одна в запертой комнате, посреди чужого, враждебного замка, храня в памяти образ величественной Донны Корт и понимая, что Жатва только начинается.

Внутри покоев царила удушающая, мертвая тишина, прерываемая лишь частым пульсом в моем локтевом сгибе, где все еще горел след от иглы. Я подошла к узкому стрельчатому окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Отсюда, с огромной высоты цитадели Архи, Мир казался бескрайним черным морем, готовым поглотить весь мир. Ловушка захлопнулась.

Я медленно опустила взгляд на свои ладони. Костяшки пальцев все еще были белыми от пережитого страха, а во рту стоял стойкий, несмываемый привкус меди. Демоны думали, что покорно забрав мою кровь, они забрали и мою волю.

Они видели во мне лишь молоденькую, испуганную девчонку, сочный десерт к их праздничному столу. Но они забыли, кто я такая.

Внезапно в груди, прямо под сердцем, шевельнулся тяжелый, ледяной поток. Моя магия воздуха, спавшая во время скачки, встрепенулась от пережитого унижения. Внутри образовался звенящий вакуум, который стремительно заполнялся яростью. Сквозняк, взявшийся из ниоткуда в наглухо запертой комнате, яростно рванул полы моего платья и заставил задрожать тяжелые портьеры.

Они хотели Жатвы? Они её получат. Я сделала глубокий вдох, глядя на темные пики замка, и на моих губах заиграла холодная, пугающая улыбка. Демоны совершили главную ошибку в своей долгой жизни — они сами впустили бурю в свой дом.

ГЛАВА 6

Сильвестра

Я знала, что мое заточение в одиночестве не продлится долго. С первыми рассветными лучами, едва прорезавшими могильный холод башни, тяжелая кованая дверь взревела петлями. Меня повели по бесконечным сырым переходам к таким же обреченным существам, как я. Демоны цитадели рассудили практично: живой «корм» не должен проедать запасы в праздном ожидании часа расправы. Нас превратили в бессловесный рабочий скот. Пока багровое солнце ле-

ниво катилось над зубчатыми стенами, мы гнули спины на грязных камнях, а с воем ночного ветра и восходом луны замертво падали на соломенные подстилки. Впрочем, у этого жуткого, непрерывного порядка имелось исключение: если сегодня твоя плоть назначена лакомством для высшей знати, тебя запирали в покоях. Демоны берегли товарный вид десерта, опасаясь, что истощенный раб уйдет в мир иной раньше положенного срока.

Но эта отлаженная, сытая схема тварей уже дала трещину и начала действовать против них самих. Первой собственные правила игры навязала Виспи — ведьма воздуха, чье имя в наших кругах шептали как молитву. Она не бросалась на надзирателей и не противилась участи стать чужой усладой, но и покорной жертвой никогда не была. Сцепив зубы, она безропотно сносила дневные унижения, но ее глаза, скрытые за прядями волос, безостановочно фиксировали каждый шаг хозяев цитадели. Виспи дотошно изучала иерархию демонов, их повадки, уязвимости, а главное — их извращенную магию. Она до боли в глазах запоминала каждое ритуальное движение, каждое гортанное слово и разрушительные последствия заклятий. А когда за решетками всходила луна, она умудрялась отправлять послания на волю, прямо в сердце нашей общины.

Старейшины, приняв эти бесценные крупицы знаний, оцепенели от удивления, но тратить их впустую не стали. В глухих лесах, прячась от дозоров Высших, наши ведьмы на-

чали тайком пробовать и перекраивать под себя темную магию крови. Чужая, зловещая сила неохотно подчинялась нашей природе. Каждый ритуал забирал много сил и требовал колоссального напряжения духа, но взамен дарил сокрушительные возможности. Месяцами старейшины расшифровывали мертвые наречия с обрывков древних свитков, перекраивая жесткие чужие формулы в новые заклятия, которые теперь складно и плавно ложились в наши уста. Самые безопасные, проверенные и отточенные плетения старейшины тайно приносили в деревни, обучая молодую кровь. Шаг за шагом, в строжайшей тайне, мы копили эти силы, чтобы в один день обрушить их на цитадель и навсегда свергнуть демонов.

Теперь Виспи здесь не было. Свое право на месть она, должно быть, уже оплатила сполна, оставив после себя лишь эту сырую камеру. И сегодня настал мой черед продолжить ее дело.

За несколько бесконечных дней, проведенных в сером удушливом склепе обители, не произошло ничего, что помогло бы моему плану. Мертвенная, вязкая обстановка начинала слегка напрягать, давя на виски невидимым прессом.

Пыльные лучи солнца, пробивающиеся сквозь узкие, похожие на бойницы щели в гранитных стенах, лениво подсвечивали слои вековой грязи на полу. Я в очередной раз с размаху окунула жесткую, колючую щетку в таз с мыльной, едва теплой водой. Пены почти не было, лишь грязные разво-

ды. Плечи сводило судорогой, колени неприятно и тупо ныли от долгого стояния на ледяных плитах. Кожа на пальцах давно размокла, сморщилась и побелела от едкой щелочи, а ногти ломались о неровности камня. Пропитанная серым потом одежда липла к спине, тело источало тяжелый запах труда — помыться нам, разумеется, никто не позволял. Подобная роскошь и полноценное купание разрешались "корму" лишь перед самым «важным» днем, когда очищенная кровь должна была послужить эстетичным десертом на пиру у монстров.

— Свежая кровь, и надо же — неожиданно молодая.

Хлесткий, бархатный голос заставил воздух вокруг меня мгновенно заледенеть. Я слишком глубоко ушла в тяжелые раздумья и непростительно пропустила момент чужого приближения. Этот надменный, сочащийся скукой тон и подчеркнуто уверенный, тяжелый шаг с ходу кричали о том, что его обладатель принадлежит к касте Высших существ.

Я медленно выпрямила затекшую спину, чувствуя, как внутри натягивается струна магии воздуха, но голову подчеркнуто не подняла. Взгляд остался прикован к грязным мыльным разводам у его сапог — я не собиралась раньше времени навлекать на себя порочный гнев этого избалованного, опасного мальчика.

Шорох дорогой ткани подсказал, что он сменил позу. Высший не постеснялся опуститься на корточки прямо предо мной. Полы его роскошного камзола коснулись грязной пе-

ны на плитах, но его это ничуть не заботило.

В следующее мгновение чужие пальцы — неестественно холодные, с идеальным маникюром и острыми, ухоженными ногтями — жестко перехватили мой подбородок. Сильным, бесцеремонным рывком он вздернул мою голову вверх, заставляя встретиться с ним взглядом. Лицо этого юноши было безупречным. Удивительно гармоничные, точеные черты лица сочетали в себе юношескую нежность и зрелую, благородную мужественность. Прямой нос, четко очерченные скулы и густые шелковистые волосы цвета воронова крыла, которые доходили до середины шеи и были уложены по-настоящему роскошно, дорого. Густая челка аккуратно и нарочито небрежно спадала ему на лоб, частично прикрывая глаза. Но стоило всмотреться в них, как по спине пробегал мороз: у него не было белков — две сплошные, бездонные угольно-черные бездны смотрели на меня в упор. Эта хищная глубина в сочетании с липкой, порочной усмешкой мгновенно искажала всю его идеальную красоту, превращая ее в нечто глубоко омерзительное.

— Какая свежая кровь... — протянул он.

Его бархатный голос звучал вкрадчиво, но от этой слащавой манеры растягивать слова внутри все переворачивалось. В полуприкрытых черных глазах сквозило абсолютное, скотское превосходство существа, которое никогда не знало отказа.

— И надо же, такая молодая. Жаль пускать такой нежный

бутон на обычный десерт.

Его свободная рука медленно, с намеренной, издевательской медлительностью скользнула по моей шее. Он до боли вдавил ухоженные пальцы в мою кожу, оставляя багровые следы, и лениво очертил ключицы. От этого прикосновения, похожего на скольжение сытой змеи, к горлу подступила тошнота. Этот мальчишка пах приторной смесью дорогого мускуса и редких благовоний, но за этой роскошной оболочкой отчетливо ощущалась гниль его истинной сути. Он придвинулся еще ближе, почти касаясь своими губами моего лица, и в его черных омутах вспыхнул похотливый азарт избалованного хищника, играющего с пойманной птицей.

— Послушай, дитя, — его голос упал до вкрадчивого шепота. — Мы ведь можем доставить друг другу удовольствие. Давай поможем друг другу? Ты ведь не хочешь сгнить в этой грязи до того, как тебя подадут к столу? Пара ласковых слов, немного покорности — и твои дни здесь станут куда приятнее.

Не дожидаясь ответа, демон резко поднялся на ноги, с силой увлекая меня за собой. Сильные пальцы намертво впились в мое плечо, разрывая ветхую ткань одежды, и он с глухим стуком прижал меня спиной к шершавой каменной стене. Мои ноги оторвались от земли и бессильно повисли.

Его свободная ладонь бесцеремонно и грубо легла на мою талию, сминая мокрую от пота ткань платья и глубоко вонзая ногти в мое бедро сквозь тонкую юбку. Он влажно за-

дышал мне прямо в шею, обжигая кожу липким дыханием. Прекрасное лицо избалованного мальчишки расплылось в самодовольной, сальной гримасе, а его колено бесцеремонно вклинилось между моих ног, заставляя меня содрогнуться от глубокого, яростного омерзения. Вся его внешняя красота и безупречные мужественные черты в этот миг казались лишь уродливой маской, за которой скрывалось чудовище.

В этот миг внутри меня послушно и страшно завязался узел.

В глубине груди образовался звенящий, ледяной вакуум. Но он не был пустым — он засасывал в себя всю мою ярость, превращая её в сжатую до предела, готовую рвануть искру. Костяшки пальцев, упершихся в его расшитую золотом грудь, побелели до треска в суставах. Скрежет моих зубов заглушил его мерзкие шепотки. Магия воздуха, дремавшая под кожей, рванулась наружу диким, удушающим вихрем. Я была готова содрать мясо с его холеных костей, размазать этого порочного демона по граниту и взорвать саму цитадель к чертям. Я едва сдерживала дикий, звериный оскал, готовая вцепиться зубами прямо в его пульсирующую жилу на шее и выпить его собственную жизнь до капли. Еще секунда — и буря сорвется с цепи.

В этот миг холеный мальчишка резко, в одно мгновение замер. Под влиянием неведомой, тяжелой магии он просто «оп!» — и все, больше не мог пошевелиться, превратившись в безжизненное изваяние. Его пальцы, только что намерт-

во впивавшиеся в мое бедро, окоченели, каменная хватка на плече разжалась, и я тяжело опустилась подошвами на ледяные плиты. На его холеном лица застыло дикое выражение парализующего страха, а черные бездны глаз округлились от осознания собственного бессилия. Я замерла, не понимая, что происходит. В голове метался вихрь: я сама была готова уничтожить этого мерзавца, растерзать его магией воздуха, но кто-то опередил меня, сковав его чужой, непреодолимой силой. Враг оказался абсолютно беззащитен, но радоваться было рано — в воздухе пахло новой, куда более сокрушительной опасностью.

Я шумно выдохнула застоявшийся в легких воздух, медленно перевела взгляд за спину этого застывшего мужчинки и наконец увидела причину его мгновенного оцепенения. Только теперь до меня дошло, что на него набросили мощнейшие чары, и сделала это она.

В полумраке сырого коридора стояла девушка. В ней не было уродства или гнили, но от одного её силуэта веяло абсолютным, сокрушительным величием. Безупречно точеная фигура, облаченная в глухие темные одежды, выделялась безукоризненной воинственной грацией. Плотные шелковистые волосы цвета мокрой смолы красивыми, тяжелыми волнами спадали на её плечи, подчеркивая идеальную бледность кожи.

Она смотрела прямо на нас. Её глаза были такими же абсолютно черными, без белков, как и у скованного чарами наг-

леца. Но в отличие от него, её взгляд не внушал страха или дешевого липкого омерзения. Эти бездонные омуты удивительно благородно и гармонично сочетались с её точеными, царственными чертами лица. Магия и безупречная красота сливались в ней в единое целое.

Это была Донна Корт, верховная цитадели.

Получалось, этот наглый ублюдок тоже принадлежал к высшим демонам, раз она сама явилась сюда. Мой разум лихорадочно сопоставлял факты. Это был Азар, родной брат Элиры и старший сын Архи. Прямой наследник повелителя цитадели, обладающий огромным влиянием, сейчас стоял передо мной как безвольная кукла. Внутри меня все сжалось в тугой узел: Донна Корт в какой-то степени сейчас помогла мне, уберегла от опрометчивого шага, но мотивы верховной оставались загадкой. Либо она спасала свой «десерт», либо просто презирала подобные вольности даже со стороны собственной крови.

Элира сделала медленный шаг вперед, и легкий шорох кожаных штанин прозвучал как смертный приговор. Она смерила застывшего брата ледяным, пронизывающим взглядом. На её лице не отразилось ни гнева, ни ярости — лишь бесконечное, царственное превосходство.

— Полагаю, ты перепутал свои обязанности, Азар, — её бархатный голос разрезал удушливый вакуум комнаты подобно лезвию. Она изящно наклонила голову набок, и на её губах промелькнула едва заметная колкая усмешка. — Отец

ждет от своего наследника великих свершений на поле брани, а не побед над мокрыми тряпками и чужими объедками в рабском крыле. Не позорь свое право на трон ради столь мелкой забавы. Наш великий Архи ценит выдержку, а не голодное нетерпение.

Едва заметным, текучим движением руки Элира повела в воздухе, а ее губы шевельнулись, роняя едва разборчивое заклинание. Расслышать слова было невозможно — они прозвучали как тихий, смазанный шелест ветра. Для верховной это секундное плетение чар оказалось настолько же легким и привычным делом, как обычный взмах пальцами.

Магия мгновенно отступила. Азар шумно, со свистом втянул воздух в легкие и наконец начал двигаться. Судорога отпустила его суставы, и он резко, всем телом повернулся к сестре. В его угольно-черных безднах полыхнуло столько бешеного, удушающего гнева, что воздух в проходе, казалось, заискрил. На холеном лице проступили багровые пятна, а кулаки сжались с такой силой, что кожа на костяшках натянулась до предела. Он выглядел так, словно был готов прямо сейчас в ярости наброситься на Элиру.

Но верховная лишь предостерегающе вскинула бровь, и этот едва заметный жест заставил наследника Архи задохнуться собственными словами. Он замер в шаге от нее, тяжело и прерывисто дыша, но яд, бурливший внутри, все же вырвался наружу.

— Ты смеешь сковывать меня ради этого ничтожества? —

процедил Азар, и его бархатный голос сорвался на глухой, зловещий рык. Он ткнул пальцем в мою сторону, кривя губы в презрительной гримасе. — Здесь все повинуется мне! В стенах этой цитадели нет ничего, что я не мог бы взять по праву крови. Это всего лишь простая, грязная чернь, созданная для того, чтобы ублажать Высших. Какое тебе дело до очередного куска мяса, Элира?

Элира даже не шелохнулась под его яростным напором. На ее лице, обрамленном смоляными волосами, не дрогнул ни один мускул. Она лишь окинула брата долгим, уничижительным взглядом, после чего на ее губах расцвела холодная, торжествующая улыбка.

— Ты прав, — спокойно, почти ласково отозвалась она, и от этого тона ярость Азара наткнулась на невидимую стену. — Это кусок мяса. Но теперь этот кусок — мой.

Она сделала полшага в мою сторону, сокращая дистанцию, и плотный корсет на ее талии едва заметно скрипнул при движении.

— Отныне эта девка переходит в мое личное распоряжение, — отчеканила Донна Корт, глядя брату прямо в глаза. — Она будет убираться в моих покоях и прислуживать мне. А если кому-то из знати понадобится ее кровь, она отдаст ее в строго назначенный день. И не раньше. Это личное распоряжение самого Архи. Если у тебя есть возражения, дорогой брат, — иди прямиком к отцу и попробуй оспорить его волю. И да, кстати... Он как раз вызывал тебя к себе. Иди, сбегай.

Посмотрим, хватит ли у тебя смелости высказать ему свое голодное нетерпение.

Услышав имя повелителя цитадели, Азар резко осекся. Его челюсть сжалась с глухим скрежетом, а в черных безднах глаз промелькнуло бессилие.

В этот момент, когда слова Элиры заполнили удушливый вакуум грязной комнаты, внутри меня разверзлась настоящая бездна. Сердце сделало бешеный кувырок и с размаху ударило в ребра. Меня охватили яростные, полярные терзания, разрывая душу на части. С одной стороны, ледяной, липкий страх мгновенно сковал внутренности: попасть в личные покои верховной демоницы, стать тенью самой Донны Корт — это значило шагнуть в самое логово зверя, где любая ошибка обернется мгновенной смертью. Мое существование теперь зависело от малейшего каприза этой опасной, непредсказуемой твари.

Но с другой стороны, сквозь панику пробивалось острое, торжествующее осознание: это был невероятный, лучший исход из возможных. Судьба сама подбрасывала мне идеальный шанс. В покоях Элиры я окажусь в самом эпицентре событий, смогу собственными глазами наблюдать, как колдует высшая из демонов, изучать ее силу, ловить каждое движение и слово. Жизнь в грязи и беспросветном рабском труде кончилась. Мой план по сбору информации получил мощнейший толчок. И пускай костяшки пальцев все еще дрожали от пережитого шока, а под кожей искрами оседания бур-

лила потревоженная магия воздуха — черед ведьмы настал. Демоны сами впустили бурю в свое самое сокровенное крыло.

Азар дернулся, шагнув к сестре вплотную. Его лицо исказилось от бессильной злобы, и он практически в лицо выплюнул Элире ядовитые, звенящие ненавистью слова:

— Тебе еще аукнется это, бастард!

Удар был намеренным и точным — он бил по самому больному, позорному пятну в ее происхождении, стремясь посильнее задеть верховную и напомнить, что в ее жилах течет нечистокровная кровь. В черных омутах Азара полыхнуло мимолетное торжество, после чего он резко развернулся на каблуках. Чеканя яростный, тяжелый шаг по каменным плитам, старший сын Архи поспешно удалился прочь, пока эхо его шагов не затихло в дальних переходах цитадели.

На секунду в рабском крыле повисла мертвая, звенящая тишина. Я затаила дыхание, ожидая, что от этого оскорбления стены замка рухнут. Грудь Элиры тяжело и прерывисто вздымалась под тугим кожаным корсетом, выдавая бушевавшую внутри бурю. Пальцы верховной до белых пятен сжали рукоять висевшего на поясе кинжала. Но эта вспышка длилась лишь мгновение. Обладая железной, поистине страшной выдержкой, Донна Корт сделала медленный, глубокий вдох, силой загоняя гнев обратно и приводя свои чувства в полное, ледяное умиротворение. Ее лицо снова превратилось в безупречную фарфоровую маску.

Она уже собиралась уходить и сделала несколько шагов к выходу, как вдруг резко остановилась. Даже не поворачивая головы в мою сторону, Элира бросила через плечо сухой, хлесткий, как удар хлыста, вопрос:

— Ты что, не поняла? За мной иди.

Дважды повторять не требовалось. Я выпустила из онемевших пальцев жесткую щетку, и та с глухим плеском упала в грязную мыльную воду, поднимая фонтан серой пены. Мои колени все еще тупо ныли, а по разорванному платью струился холодный пот, но я упрямо выпрямила спину. Подняв подол, я быстрыми шагами двинулась следом за смоляным шлейфом волос верховной.

Мы молча удалялись по бесконечному, мрачному коридору, оставляя позади сырость и гниль чернорабочих кварталов. Тяжелая боевая одежда Элиры едва слышно поскрипывала в такт ее уверенной, царственной походке. Миновав несколько постов стражи и преодолев крутые винтовые лестницы, мы наконец вышли к роскошному, залитому светом крылу замка. Тяжелые дубовые двери распахнулись, и Донна Корт ввела меня в свои личные, огромные покои, которые теперь должны были стать моей главной шпионской цитаделью. Буря окончательно перешагнула порог этого дома.

ГЛАВА 7

Элира

Тяжелая дубовая дверь моих покоев захлопнулась с глу-

хим, роковым стуком, отсекая нас от бесконечных, выстуженных переходов цитадели. Засов повернулся с сухим металлическим скрежетом. Я осталась один на один со своим новым приобретением, пока Морис безмолвной чернильной глыбой застыл у порога, контролируя коридор своей кошачьей грацией оборотня.

Я сделала глубокий вдох, силой загоняя бушевавшую внутри бурю обратно, в самое темное русло своего естества.

Слова Азара всё еще ядовито звенели в ушах, но злилась я не на брата. Я злилась на саму себя. На то глупое, липкое и совершенно не свойственное миру демонов чувство, что уже несколько дней затаилось в моей груди, пугая меня до судорог в мышцах. Жалость. Мерзкая, опасная уязвимость, которой меня никогда не учили в этих холодных стенах. Во мне воспитывали оружие. Клинок, чья задача — приносить победы Архи и безжалостно вскрывать чужие гнойники. И приказ отца я выполнила безупречно, забрав дань на Жатве, ни секунды об этом не пожалев.

Но тот смертный бастард Радимир… Его отчаянный, яростный крик на площади: «Возьми меня!» — буквально выжег мне подкорку. Смертный воин был готов шагнуть в бездну ради мальчишки. Эта чужая, безумная преданность настолько не выходила у меня из головы, что я совершила немыслимое. Пошла к Архи в его тайный сад с личной, робкой просьбой. Попросила выделить мне одного слугу из существ, прибывших на Жатву. Папа лишь мягко улыбнулся,

погладив меня по волосам, и дал добро: «Возьми кого хочешь, старых, новых — без разницы».

Я ведь шла в рабское крыло ради того самого паренька, чьего имени я даже не знала. Хотела просто облегчить его участь в цитадели, уберечь от гнили чернорабочих кварталов. Но в сыром коридоре наткнулась на Азара, домогавшегося до новой рабыни. И внутри что-то приказало: «Вмешайся. Сделай это немедленно».

Я медленно повернулась к девке, которую только что вырвала из лап похотливого брата.Она стояла посреди прихожей, и в её фигуре не было и капли рабского убожества. Точеная, удивительно красивая дева, чьи рассыпавшиеся по плечам рыжие волосы полыхали в полумраке, точно обломки заходящего солнца. Но больше всего меня поразили её глаза. Завораживающие, пронзительно-голубые омуты, подернутые легкой грозовой дымкой. В этой глубине отчетливо читалась магия воздуха, но ведьма удерживала её с таким невероятным, искусным самообладанием, что вокруг неё даже не колыхнулись бархатные портьеры. Ни единого всплеска. Никаких глупых попыток швырнуть заклятие. Опытная, сильная. Она прекрасно понимала, где находится, и заперла свою бурю на тысячу замков глубоко под кожей.

Девка посмотрела на меня в упор, и в её глазах, вопреки пережитому шоку, проступила слабая, легкая ирония.

Раздражение от собственного глупого поступка вспыхнуло во мне с новой силой. Нас разделил всего один короткий

шаг. Я брезгливо окинула взглядом её серую, покрытую потом одежду рабыни и наморщила нос. Вздохнуть в комнате из-за этого амбре было невозможно.

Я уже открыла рот, чтобы отдать первый приказ, как вдруг в дверь моих покоев заколотили с тупым, настойчивым остервенением. Звук ударов эхом отозвался в висках. Морис у порога мгновенно вздыбил шерсть, превращаясь в натянутую тетиву.

— Донна Корт! — из-за створки донесся дребезжащий, содрогающийся от страха голос низкородного слуги. — Вас вызывает Великий Архи! Срочно!

Времени на расспросы и знакомство с новой девкой не осталось совершенно. Я резко развернулась к ведьме, указывая пальцем на неприметную дверь в углу прихожей.

— Там вода. Иди вымойся, вздохнуть невозможно, — бросила я быстрый, холодный приказ. — А потом наведёшь в моих покоях идеальный порядок. Чтобы ни одной пылинки.

Рыжеволосая дева лишь едва заметно склонила голову, и на её губах скользнула спокойная, неуловимая ухмылка, в которой не было ни капли рабского страха.

Я коротко мазнула взглядом по Морису, едва заметно повела подбородком в сторону выхода, и угольно-черный перевертыш мгновенно сорвался с места, бесшумно пристраиваясь по правоую руку.

В тугом кожаном лифе и плотных шоссах, чеканя шаг сапогами из грубого чепрака, я стремительно вылетела из

покоев. Настал мой черед выполнять обязанности «первого клинка». Мы неслись по бесконечным, выстуженным коридорам замка к личной обители правителя. Горький аромат масел и удушливый дым курильниц встретили меня у порога. Архи сидел в своем монументальном кресле, его лицо оставалось непроницаемым и спокойным, но в глазах Высшего демона читалась холодная сосредоточенность.

Я подошла к середине зала и привычно опустилась на одно колено, склонив голову.

— Вы вызывали меня, Архи? — мой голос прозвучал сухо и четко, как щелчок арбалета.

— До меня доходят постоянные жалобы, Элира, — ровно произнес повелитель цитадели, и его сухой, костяной тон заполнил удушливый вакуум зала. — В последнее время Лютые совсем отбились от рук. Твари окончательно взбесились и начали кошмарить окраины, срывая дозоры и пугая подданных. Раз уж мы главенствуем над этими народами, мы обязаны держать их в узде.

Он поднялся, его тяжелый, размеренный шаг эхом разнесся под высокими сводами. Архи подошел ближе, останавливаясь в паре шагов от меня. Его взгляд Высшего демона обжег стальной, беспощадной волей правителя.

— Отправляйся на зачистку. Твоя задача — пройти по всем трем ключевым точкам пределов и перебить как можно больше Лютых. Устрой им бойню. Нужно уничтожить столько тварей, чтобы оставшиеся от одного лишь страха попрята-

лись по самым глубоким щелям.Напомни им, чья сила здесь абсолютна.

— Слушаюсь, Архи, — отчеканила я, поднимаясь с колен.

Задание правителя было ясным, жестоким и привычным. В груди мгновенно закипела боевая ярость — горячая, как расплавленный свинец. Пришло время выжечь эту скверну на корню.

Я сделала едва заметный кивок Морису, давая немую команду, и мы направились к выходу из тронного зала.

Я замерла в глубокой каменной нише перехода. Демоническая магия, гудящая в моих венах, подчинялась суровым законам плоти. Она циркулировала по телу вместе с кровью, запертая в бесконечном круговороте, словно в прочной клетке. Чтобы выпустить эту тьму наружу и заставить пространство рваться по живому, этот замкнутый круг кровообращения требовалось разорвать. Буквально.

Привычным, доведенным до абсолютного автоматизма движением я полоснула острым, как бритва, ногтем по внутренней стороне запястья. Кожа разошлась без сопротивления. Я скользнула внутренним взором по собственному естеству, умело замедляя регенерацию и регулируя кровоток, чтобы не тратить силы плоти понапрасну. Потребовалось всего мгновение. Из тонкого надреза проступила густая, почти черная капля, нарушая привычный бег жизни внутри вен.

Как только открытый багровый ручеек соприкоснулся с

воздухом цитадели, магия крови отозвалась яростным, удушающим толчком.

Я начала шептать слова плетения, — Mœhųfż vijlęr…

Воздух вокруг нас мгновенно изменился, наливаясь вязким, невыносимым жаром. Пространство перед нами не просто задрожало — оно закричало от боли, разрываясь по живому. Ткань реальности разошлась рваными, пульсирующими краями, обнажая серую и безмолвную изнанку мира. Одним уверенным шагом я увлекла Мориса за собой в эту ревущую бездну. Меньше чем через три лучины черная воронка портала уже затягивалась за нашими спинами, неся нас прямиком к выстуженным, опасным окраинам, где выли дикие стаи.

Прохладный, влажный воздух лесной чащи принял нас в свои объятия, едва за спиной с тихим хлопком затянулась багрово-черная воронка портала. Морис мгновенно растворился в густых зарослях, превращаясь в невидимую, бесшумную угрозу, рыщущую по левому флангу.

Я замерла, прислушиваясь к первозданной тишине. Солнце едва пробивалось сквозь плотный, гнилостный навес переплетенных ветвей, превращая вековые дубы в зловещих застывших исполинов. Но покой этого места был ложным. В ноздри мгновенно ударил тяжелый, удушливый запах гниющей плоти, старой крови и псины.

Хруст ветки справа заставил меня резко развернуться, занимая боевую стойку. Мои шоссы натянулись, а пальцы при-

вычно легли на холодную рукоять кинжала. Из чащи, бесшумно переставляя массивные лапы, вымахнули две огромные серые тени.

Лютые.

Они были вдвое больше любого самого крупного лесного волка. Их хребты покрывала жесткая, свалявшаяся шерсть цвета грязной золы, а под кожей перекатывались тугие, литые жгуты мышц. Но страшнее всего были их головы. Огромные, деформированные яростью черепа с массивными, квадратными челюстями, которые судорожно смыкались, издавая сухой костяной скрежет. Из пастей, брызже удушливой слюной, выпирали неестественно длинные, загнутые клыки, а в округлившихся угольно-черных зрачках горело чистое, парализующее безумие. Зверь полностью сожрал в них остатки разума.

Твари оскалились, утробный, вибрирующий рык наполнил пространство, заставляя воздух вокруг нас заледенеть.

Один из волков сделал резкий ложный выпад, проверяя мою реакцию. Я даже не шелохнулась. Мои костяшки пальцев до белых пятен сжали рукоять оружия, а в груди привычно вскипел расплавленный свинец демонической ярости. Твари думали, что перед ними легкая добыча, обычный человеческий раб на пыльной тропе. Настал их черед узнать, почему имя Архи заставляет содрогаться все священные пределы сквозь любые невзгоды.

Второй Лютый, не выдержав напряжения, с диким ревом

взвился в воздух, целясь огромными клыками прямо мне в горло.

Рана на моем запястье, оставшаяся после ритуала перемещения, еще не успела затянуться — багровые капли лениво сбегали по коже, даруя магии крови полную свободу. Изменив кровоток, я заставила силу Высших хлынуть наружу.

Губы мгновенно выдохнули рваное, гортанное заклинание:

— Miḷoton…

Тьма послушно отозвалась на мой призыв. Из теней дубов вырвались тяжелые, пульсирующие черные петли. В один миг они настигли первого волка, который так и не успел прыгнуть, хищно и намертво обвились вокруг его массивных лап и с глухим стуком пригвоздили чудовище к сырой земле. Тварь забилась в коконе, её деформированная челюсть яростно щелкала, выбивая костяной скрежет, но мрак лишь плотнее сжимал ребра монстра, вышибая дыхание.

Со вторым Лютым, который уже нависал надо мной в прыжке, я разобралась без капли магии.

Я резко пригнулась к самой земле, пропуская огромную серую тушу над собой. Время словно замедлило свой бег, а в ноздри ударил удушливый запах гнилой псины. Резким, доведенным до секундного автоматизма движением руки я выхватила из ножен на шоссах кинжал из темного металла. Острое лезвие вошло в плоть чудовища без малейшего сопротивления. Пока волк пролетал надо мной, я одним хлест-

ким, ровным движением вспорола ему брюхо — от самого лохматого горла до нижних конечностей.

Тяжелая туша монстра мешком рухнула в траву чуть позади меня. Из разверзнутой раны на грязные камни хлынул поток горячей багровой жижи, мгновенно заполнив лесной воздух тяжелым, соленым привкусом меди. Зверь дернулся в последней судороге и затих, остекленевшие черные бездны его глаз уставились в гнилостный навес крон.

В этот момент из густого подлеска беззвучным угольно-черным сгустком вымахнул Морис. Он всё еще сохранял свое обличье кота, но его шерсть стояла дыбом, а абсолютно черные глаза-провалы были прикованы к зарослям по правому флангу.

Чуткое ухо уловило посторонний шум. Хруст сухих веток, тяжелый, чеканный шаг — и далеко не один. Кто-то уверенно прорубался сквозь чащу со стороны человеческой обители.

Я плавно развернулась, удерживая кинжал из темного металла на уровне груди и замирая в боевой стойке.

Из тени дубов на поляну стремительно вышел Радимир в окружении своих боевых товарищей. Крепкие, вооруженные мужчины застыли за его спиной, мгновенно оценив масштаб устроенной мной бойни. Сам бастард тяжело и прерывисто дышал, его широкие плечи вздымались, а мозолистые ладони до белых пятен сжимали рукоять оружия.

Внутри меня не колыхнулось ни единого привычного

демонического чувства. Никакой ярости, никакой жажды немедленной расправы над смертными, нарушившими границы. Но этот мужчина определенно вызывал у меня интерес — острый, глубинный, выделяющий его на фоне всей остальной серой черни.

Радимир замер в нескольких шагах от меня. Его глубокие голубые глаза, лишенные рабского испуга, впились в окровавленную тушу Лютого у моих ног, а затем медленно поднялись к моему лица. Сквозь все лесные невзгоды он привел свой отряд именно сюда.

Напряжение между нами стало таким плотным, что казалось, его можно резать ножом. Но вместо того чтобы вступить в бессмысленный спор со смертными или поддаться чужой ярости, я предпочла остаться абсолютно невозмутимой. У Высших свои правила игры.

Демонстративно проигнорировав тяжелый, испепеляющий взгляд Радимира, я плавно развернулась спиной к его отряду. У моих ног всё еще судорожно бился в черных путах первый волк. Его пасть была покрыта грязной мыльной пеной, а в безумных зрачках застыл парализующий страх. Изменив кровоток в раненом запястье, я отпустила магию, и темные петли мгновенно растаяли, возвращаясь в тени дубов. Тварь попыталась сделать судорожный рывок к свободе, но я оказалась быстрее.

Одним коротким, точным движением руки я всадила кинжал из темного металла монстру прямо под основание чере-

па. Сухой костяной хруст оборвал его предсмертный скулеж. Волк обмяк, и его багровая жижа лениво потекла по серым камням, смешиваясь с гнилостным запахом чащи.

Я медленно выпрямилась, брезгливо вытерла лезвие о жесткую шерсть убитого зверя и лишь после этого неспешно повернулась к незваным гостям. Морис в обличье кота сидел чуть позади меня, его черные глаза-провалы немигающе контролировали мужчин с оружием.

Радимир не шелохнулся. Он наблюдал за моей расправой без малейшего испуга, но желваки на его массивных челюстях заходили ходуном, а мозолистые пальцы сильнее впились в рукоять его клинка.

На его губах, вопреки смертельной опасности, проступила едкая, ядовитая ухмылка. Он сделал один тяжелый шаг вперед, нарушая невидимую границу, и его низкий, рокочущий голос разрезал лесную тишину:

— Гляжу, Донна Корт, Высшим демонам совсем наскучило упиваться властью за своими столами, раз первый клинок цитадели теперь лично подрабатывает у нас простым могильщиком, — Радимир язвительно сощурил свои глубокие голубые глаза, кивая на растерзанные туши Лютых. — Или у вас в замке просто закончился свежий десерт, и вы решили набрать костей на ужин?

Дерзость этого смертного бастарда переходила все мыслимые границы. В стенах цитадели за одну лишь подобную интонацию Сайкс или Азар заживо содрали бы с него кожу,

а остатки костей выбросили псам. Радимир говорил со мной слишком свободно, без капли того рабского трепета, в котором веками утопали все священные пределы.

Но я не спешила ставить его на место. Напротив, внутри шевельнулось странное, почти забытое чувство — мне было забавно. Среди бесконечного удушающего вакуума покорности, лицемерных толков и лживой молвы, которой окружили меня, этот воин со сбитыми костяшками пальцев был единственным, кто смел дышать со мной одним воздухом.

Я лениво опустила кинжал в ножны на шоссах, сделав плавный, текучий шаг вперед. Морис чуть повернул голову, бесшумно следуя за моим движением, а его кошачья грация оборотня вмиг заставила боевых товарищей Радимира крепче перехватить оружие.

— Ты слишком разговорчив для того, чей народ покорно платит дань на каждой Жатве, бастард, — мой бархатный голос прозвучал обманчиво мягко, но в нем отчетливо прорезался леденящий холод Высшего демона. Я смерила его отряд долгим, уничижительным взглядом. — Могильщиком? Какое узкое суждение. Я лишь привожу в исполнение волю Великого Архи. Повелитель цитадели ценит порядок на своих землях. И если ваши хваленые дозоры неспособны защитить собственные хижины от пары взбесившихся волков, сквозь любые невзгоды умоляя нас о помощи, то первый клинок берет работу в свои руки.

Я остановилась в двух шагах от него, заставив воздух меж-

ду нами окончательно заледенеть. Свежая багровая жижа на серых камнях всё еще испускала тяжелый, соленый привкус меди, но я смотрела только в его глубокие голубые глаза.

— Наш замок действительно велик, Радимир. И десерта там предостаточно, уверяю тебя. Но если ты продолжишь испытывать мое терпение своей неуместной иронией, твой собственный черед примерить цепи на Пустоши Сдирания наступит гораздо раньше, чем небо покроется лунным светом. Не путай мою выдержку со слабостью.

Радимир судорожно сжал челюсти, и сухой скрежет его зубов на мгновение нарушил лесную тишину. Но вопреки моим ожиданиям, он не отступил. Напротив, его массивные плечи расправились, а в голубых глазах полыхнула отчаянная, пугающая решимость. Смертный бастард сделал еще один шаг вперед, сокращая дистанцию до опасного предела.

В этот миг я уловила странную деталь в его поведении. У Радимира едва заметно, судорожно подергивался нос — он словно изо всех сил старался лишний раз не дышать со мной одним воздухом, шумно сдерживая дыхание и замирая каждый раз, когда ветер дул в его сторону. Дикарь. Наверное, демонический запах моей магии крови казался его хрупкому человеческому обонянию невыносимым удушливым ядом.

— Лютых намного больше — процедил он, и его низкий голос упал до хриплого шепота. — Ты не найдешь их сама в этих глухих дебрях, Донна Корт. Мои люди знают этот лес как свои пять пальцев. Мы пойдем перед тобой и выследим

логова Лютых втрое быстрее, выгоняя их прямо под твой клинок. Ты выполнишь приказ своего Архи без лишней траты сил.

Я удивленно вскинула бровь. Это было дерзко, безумно и... чертовски практично. Морис в обличье кота у моих ног едва слышно фыркнул, уловив перемену в моем настроении.

— И какова твоя цена, охотник? — спросила я, лениво скрестив руки на груди. — С чего бы смертному воину помогать первому клинку цитадели?

— Твоя зачистка не должна быть слепой, — Радимир жестко посмотрел мне прямо в лицо. — Твари вырезают наши дозоры, но среди этого безумного стада есть те, кого мы обязаны вернуть живыми. Мы выведем тебя на след, но тех волков, на которых укажу лично я, твой клинок не коснется. Их мы заберем с собой.

Я лениво скользнула взглядом по его напряженной фигуре. Обычный человек никогда не полез бы в пекло ради бешеного зверя, если бы тот не был ему дорог. Видимо, какая-то тварь из этой стаи растерзала кого-то из его близких, и Радимир жаждал забрать чудовище живьем, чтобы лично сотворить над ним жестокий самосуд. Охотничья гордость смертных порой бывала поразительно упрямой.

Внутри меня снова шевельнулось то самое, «неправильное» и пугающее любопытство Высшего демона. Мне было безумно забавно наблюдать за его скрытой борьбой.

— Живыми, значит... — я заставила ледяную, едва замет-

ную улыбку коснуться моих губ. — Что ж. Посмотрим, насколько хороши твои ищейки, Радимир. Веди.

Бастард лишь коротко и угрюмо кивнул, разворачиваясь к своим воинам. Наш негласный, опасный союз был скреплен запахом крови на поляне. Мы двинулись вглубь чащи вместе.

Охотники Радимира бесшумно скользили впереди, прорубаясь сквозь колючий подлесок и вековые заросли папоротника, а сам предводитель держался в паре шагов по правую руку от меня. Нависающий над нами гнилостный навес крон окончательно поглотил остатки полуденного солнца, погружая лесную тропу в зловещие, холодные сумерки.

В дикой глуши, где каждый шорох заставлял Мориса в обличье кота натягиваться тетивой, напряжение между мной и смертным воином продолжало нарастать. Я шла уверенно, но краем глаза безостановочно фиксировала его движения. Радимир двигался слишком жестко, его мощные плечи были сведены судорогой, а пальцы так яростно сжимали рукоять клинка, что костяшки белели до треска. Но сильнее всего меня поражало его дыхание. Он упрямо задерживал воздух в легких, шумно выдыхая сквозь зубы только тогда, когда ветер дул в противоположную сторону. Его нос судорожно подергивался, словно мой демонический запах причинял ему физическую, невыносимую боль. Привыкшая к тому, что люди перед лицом Донны Корт падают на колени и задыхаются от страха, я списывала это на обычную дикарскую слабость перед силой Высших. Я и не подозревала, ка-

кой яростный, смертельный бунт сейчас бушевал в его крови.

Внезапно идущий впереди дозорный резко замер, вскидывая руку. По лесной чаще, вышибая остатки разума, покатился первый, оглушительный и клокочущий рык. Стая была близко. Наша охота началась.

ГЛАВА 8

Радимир

Я всю жизнь существовал с одним устоем: не выделяться.

Мой отец, князь людского рода, жил душа в душу со своей любимой избранницей Елисаветой. В первые годы совместной жизни у них появился первенец — крупный ребенок с сильным характером, нареченный Брониславом. Не успел мальчишка сделать первые шаги, как в чреве Елисаветы забилась новая жизнь — дочь Мимолика с большим и добрым сердцем.

Но на одной из охот отец отбился от отряда. Его верный конь сломал ногу и более не мог сопровождать хозяина. Несколько дней князь продирался к семье сквозь дикий, удушающий лес. И как бы его сердце ни любило законную жену, против древнего рока выстоять невозможно.

В раннюю утреннюю зарю, когда солнце едва касалось макушек высоких деревьев, отец повстречал обнаженную лесную деву. У обоих кровь мгновенно закипела в венах от одного случайного прикосновения. В ее объятиях князь позабыл все земные хлопоты, превратившись в безвольного,

влюбленного мальчишку. Так пролетело несколько дней дикого, хмельного тумана. Но животный дурман, охвативший разум, со временем ослаб. Глубокой ночью князь сбежал от лесной девы, так и не узнав ее имени.

В родном тереме его ждали вести: чрево законной жены вновь налилось жизнью. Однако роды затянулись, обернувшись мучительной, предсмертной агонией для Елисаветы. Перед тем как навсегда закрыть глаза, она оставила миру прекрасную Чернаву — девицу с ветреными мыслями, сотканную из чистой любви.

Последующие года тянулись обманчиво спокойно. Временами демоны лютовали на границах, но и с этими невзгодами князь умел уживаться, намертво вколачивая эту мудрость в головы детей. Те и рады были перенимать науку: характером и статью все трое пошли в отца.

Когда Чернаве шел четвертый год, на пороге княжеского терема возник чужак — молодой, литой в плечах парень с массивными, хищными чертами лица. Подле него, вжимаясь в дверной косяк, замер оборванный мальчишка. Этот парень и сорвал печать с тайны, которая годами грызла князя изнутри.

В ту роковую ночь в лесу отец повстречал не просто лесную деву, а чистокровную из племени волкодлаков. Наполненная яростным светом луна пробудила в ней зверя, и она, ведомая первобытным инстинктом, неслась сквозь чащу на запах своей Истинной пары. Закон Истинных пар для волков

— не сопливая людская любовь. Это вся их плоть, их кости и суть. Настоящий удушающий вакуум сжимает легкие зверя, если пары нет рядом: запах партнера буквально замещает им кислород, а его присутствие заставляет замершее сердце дико биться о ребра. Познать Истинную, а после остаться без нее — значит добровольно шагнуть в черную бездну безумия или сойти в могилу через сухой, предсмертный скрежет зубов.

Но по злой, глумливой шутке рока Истинным для моей матери оказался обычный человек. Для отца эта связь была лишь хмельной вспышкой, животным влечением, заглушившим разум. Не зная, какую страшную цену платит брошенная волчица, он просто ушел, оставив грех в прошлом. Мать выследила его по запаху. Она легко могла вернуть свою пару, прийти и забрать свое. Но вместо этого увидела счастливого семьянина. Ее зверь внутри взвыл от осознания: сердце этого человека уже занято другой, а без любви и добровольной отдачи волчья магия связи превратится в яд.

Вскоре ее лихорадочная боль притупилась — чрево налилось тяжестью, подарив новость о ребенке. Ради меня она продолжала дышать, цеплялась за жизнь зубами. Но как бы мать ни старалась, жизненные силы капля за каплей покидали ее, лопаясь сосудами на бледном лице. Настал день, когда она испустила последний вздох, и я остался один на один с безжалостной стаей.

В их мире правит один закон — чистая кровь. Полукров-

кам там нет места. Мать перед кончиной успела защитить меня своей кровью, оставив мне законное место среди волков, но в силу раннего возраста я не мог принять взрослый, жестокий бой. И уж тем более — выйти из него победителем. На совете стаи вожаки вынесли скорый приговор: лишить щенка жизни. Кровавую работу поручили тому самому молодому парню, в чьей груди еще теплились остатки человечности и милосердия. Он был верным другом матери, знал, чья кровь течет в моих жилах. Вместо того чтобы перерезать мне горло, он тайно вывел меня из стаи и привел к отцу — в отчаянной надежде подарить полукровке другую, человеческую жизнь.

Я до последнего вздоха буду помнить реакцию семьи на мое появление. Отец тогда долго, до хрипа извинялся передо мной. Бывает, и сейчас он смотрит на меня, а его глубокие глаза подернуты пеленой горького раскаяния. Князь до сих пор винит себя в гибели обеих женщин, и сколько бы мы ни пытались, переубедить его не вышло. Брат Бронислав принял меня без лишних слов, став надежным наставником и верным другом. Любовь сестер, Мимолики и Чернавы, и вовсе оказалась безграничной — я по сей день поражаюсь их неправильной, чистой доброте.

Все складывалось хорошо, кроме одного. С каждым годом во мне закипала и росла первобытная ярость зверя, капля за каплей вытесняя человечность. Я не рос покладистым или покорным, как брат и отец. Любого, кто смел косо взглянуть

на мою семью, мне хотелось заживо разорвать на куски. Костяшки моих пальцев разбивались в кровь, лопались сосуды на лице, не проходило и дня без жестокой драки. Молва о моем происхождении могла погубить нас всех, поэтому тайну хранили свято. Стоило кровожадным демонам прознать о гибриде — и долгой жизни мне бы не видать, уж слишком они любят все необычное. Именно поэтому мое дикое, неукротимое поведение так опасно выделялось среди мирного людского народа.

Я потратил годы, стирая зубы в крошево, чтобы научиться намертво запирать своего зверя в узде большого и малого кругов кровообращения. Но при этом умело пользовался его волчьими преимуществами, когда того требовал бой.

И в один миг все, что я так долго и мучительно выстраивал, рухнуло.

Она появилась внезапно, как карающий гром среди ясного неба. Из черной, разрывающей пространство воронки заклинания вышагнула дева, а за ней скользнул угольно-черный кот с провалами вместо глаз. В ту же секунду мир вокруг меня потерял краски и звуки, схлопнувшись в удушающий вакуум. Существовала только она. Высокая, стройная, идеальное оружие. Ее волосы цвета мокрой смолы подрагивали от легкого дуновения ветра, обнажая тугие боевые плетения на виске. Тонкие, изящные руки, лебединая шея… И запах.

Я никогда в жизни не чувствовал столь оглушительного, прекрасного аромата. Сочная, леденящая зеленая мята

после летнего дождя, смешанная с горьковатым привкусом влажной земли. Этот запах моментально заполнил мои легкие, вытесняя кислород, пробираясь под самую кожу, к бьющемуся в лихорадке сердцу. Мой внутренний волк взбесился, завыл, я никогда прежде не ощущал его силу так ярко. Зверь требовал подчиниться, забрать её, заставить скулить, и я едва не потерял контроль над собственным телом, сжимая кулаки до судорог.

Меня отрезвили и остановили только ее глаза. Чистая, концентрированная чернота без белков и зрачков. Глаза — клеймо великого Архи. В них не было искры человечности, они кричали о демонической крови. О тварях, которые веками несли на наши земли невзгоды, давили нас и превращали существование людей в кромешный ад. В отличие от отца, я никогда не умел мириться с тиранией цитадели. Я люто, до бешеного скрежета зубов и привкуса меди во рту ненавидел каждого представителя их порочного племени.

Мою Истинную зовут Элира Сангвис-Корт. Бастард повелителя демонов. Она — моя жизнь, мое вечное проклятие, и мне с этой разрывающей душу правдой теперь жить.

Каждый раз, когда наши пути пересекаются, для меня начинается персональный ад. Мой волк сходит с ума, требуя признать её, и я иду на крайность — изо всех сил стараюсь дышать через раз, поверхностно, едва шевеля грудной клеткой. Я заставляю собственные легкие гореть в удушающем вакууме, сознательно лишая себя кислорода. Делаю малень-

кие, рваные вдохи, лишь бы эта проклятая сочная мята не проникала внутрь, не плавила мои вены и не ломала остатки человеческой воли. Лучше задыхаться, чувствуя, как костяшки пальцев немеют от нехватки воздуха, чем позволить зверю взять верх и выдать себя перед дочерью Архи.

— Радимир! Слева! — хриплый крик друга выдернул меня из лихорадочных мыслей назад, в холодную реальность.

Я тряхнул головой, разгоняя туман прошлого. Пальцы по привычке сжали рукоять охотничьего ножа. Мы шли по следу обезумевшей стаи уже несколько часов, продираясь сквозь колючий кустарник. Воздух здесь был пропитан гнилью и сыростью, но внезапно налетевший порыв ветра принес то, от чего сердце сделало бешеный кувырок, а в горле пересохло.

Мята. Свежая грозовая мята. Она была совсем близко.

Я тут же стиснул зубы и почти перестал дышать, чувствуя, как внутри нарастает знакомое, болезненное давление. Судя по доносившемуся впереди яростному хрусту костей и скулежу чудовищ, бастард Архи уже начала свою показательную бойню. Сглотнув слюну с металлическим привкусом меди, я сделал едва заметный короткий вдох и скомандовал отряду: «Оружие наизготовку. За мной.

ГЛАВА 9

Радимир

Зверь внутри меня скулил, скреб когтями ребра и рвался наружу, готовый раздробить грудную клетку. Это нечело-

веческое существо шло рядом. Мои широкие плечи окаменели — она была идеальной, неоспоримой парой для моего волка, но оставалась чужаком для меня. Пытка. Идеально продуманная, изощренная казнь. Невозможно приблизиться, немыслимо отдалиться. Ее запах мяты и близкой грозы намертво туманил разум, обжигая кожу изнутри. Каждый ее вздох ласкал мой слух и одновременно вызывал дикое отвращение. Все парни вокруг были заняты выслеживанием Лютых, они шли след в след, а внутри меня разворачивалась тяжелая, кровопролитная битва за остатки собственного рассудка.

Внезапно лесную глушь прорезал душераздирающий, едва слышный крик. Звук доносился со стороны нашей деревни. В тот же миг Ратибор — лучший следопыт в отряде — резко вскинул руку, приказывая всем пригнуть головы. В паре саженей впереди, среди поваленных елей, затаились несколько Лютых. Их деформированные квадратные челюсти глухо пощелкивали.

И вновь женский крик прорезал слух, отозвавшись дикой, выламывающей болью в районе сердца. Там, в Человеческом гнезде, происходило страшное. Невзгоды моего народа достигли апогея — времени на выслеживание лесной стаи больше не было.

— Что происходит? — Клинок Архи первая обратила внимание на мои секундные размышления. Ее абсолютно черные глаза-клейма сузились.

— В деревне бойня, — я не отводил взгляда от черных бездн ее глаз, но ответил громко, обращаясь ко всем: — Срочно возвращаемся!

Резким движением я развернулся и сорвался с места, готовый бежать сквозь бурелом, пока легкие не разорвутся от нехватки кислорода. Но не менее резкий, железный хват бастарда демонов пригвоздил меня к месту. Ее пальцы сжались на моем плече до побелевших костяшек.

— Бежать долго. Я помогу, — ее лицо оставалось монументально спокойным, а движения рук — пугающе быстрыми.

Я не успел перехватить ее ладонь, как из маленького пореза на моем запястье появилась кровь. Я клялся, что никогда в жизни не приму помощь от этих кровожадных монстров. Но сейчас гордая человеческая спесь должна была отступить. Какими бы быстрыми ни были мои ноги, я опоздаю. Цена промедления — жизни людей, моей семьи, Чернавы, Мимолики.

С покорным, злым молчанием я наблюдал за её действиями. Эта демоница разорвала замкнутый круг своей кровеносной системы, смешивая нашу кровь, и выплюнула слова заклинания:

— Mœhųfż vijlęr!

Парни из отряда едва успели последовать моему примеру, сжав оружие, как реальность с треском лопнула. Нас поглотила абсолютная чернота и удушающий вакуум. Простран-

ственный разрыв вывернул легкие наизнанку, скрежет моих зубов потонул в реве магии.

Я не успел моргнуть, как черная воронка выплюнула нас прямо на окраине деревни. Навалившийся воздух, превратившийся в плотную, удушающую гарь, мгновенно забил легкие запахом свежей крови и паленой плоти. Чадящие лучины в окнах теремов смешались с яростным открытым огнем, пожирающим крыши.

Перед глазами раскрылась картина, от которой у меня перехватило дыхание, а в горле встал колючий, удушающий ком. Наша деревня превратилась в скотобойню.

Пара десятков демонов — сытые, холеные твари из Цитадели — устроили здесь кровавый пир просто от скуки. Им захотелось развлечься, разнообразить свое сытое существование чужой болью. Я видел, как они скалили клыки, как содрогались в приступах оглушающего, довольного хохота. Для них наши люди, с которыми мы делили хлеб, были беззащитными, загнанными в тупик зверушками. Беспомощными игрушками.

Один из демонов, закинув голову от удовольствия, взмахнул рукой. Его магия — вязкая, темная сила — сковала ее ноги и та повалилась на землю, головой ударившись о камень, ее лицо залило кровью, а сухой скрежет ее зубов оборвался хрипом. Демон потянул руку на себя, и несчастную, словно на невидимой привязи, поволокло по камням прямо к его ногам. Она плакала, цеплялась ногтями за землю,

оставляя грязные кровавые полосы, но тварь лишь сильнее заливалась смехом, готовясь нанести смертельный удар ради забавы. Чуть дальше еще трое чудовищ зажали в угол старика, медленно, по миллиметру ломая его кости и упиваясь его криками.

Секунда этого зрелища швырнула меня в глубокий, леденящий шок. Мои мозолистые ладони задрожали, костяшки на рукояти ножа побелели до хруста, а к глазам подступили жгучие, бессильные слезы ярости. Зверь внутри меня завыл от этой несправедливости, требуя немедленной, самой жестокой расплаты.

Шок длился всего мгновение, сменившись слепой, выжигающей изнутри яростью. Я не стал тратить время на разглядывание стоящей рядом демоницы. Плевать на неё. Плевать на всё, кроме криков, рвущих барабанные перепонки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.